

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
 съ доставкою . . . 13 р. 50 к.
 съ пересылкою . . . 15 р.
 Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Соловьева и
 А. Ланга), безъ доставки . . . 13 р.

1 ГОДЪ. ТОМЪ I № 6
 5 ФЕВРАЛЯ 1869 Г.

Государственная
 ордена . . . на
БИБЛИОТЕКА СССР
 им. В. И. ЛЕНИНА

ГЛАВНАЯ КОНТОРА РЕДАКЦИИ
ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Журналъ **ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ** выходитъ еже-
 недѣльно въ форматѣ большого двойного листа въ 16
 страницъ.

[ГЕРМАНА ГОППЕ] НАХОДИТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
 НА БОЛЬШОЙ САДОВОЙ УЛИЦѢ, ВЪ ДОМѢ
 ИЛЬИНА, № 16.

СОДЕРЖАНИЕ: А. С. Норовъ.—Внутренняя и внѣшняя политика.—Внутреннія извѣстія.—Невѣстка (продолженіе).—Статуя короля Карла XII въ Стокгольмѣ.—Дѣло объ убійствѣ
 въ Гусевомъ переулкѣ.—Парижскія конференціи по греко-турецкой распрѣ.—Мистеръ Вольфъ, алхимикъ; англійская повѣсть.—Успѣхи цивилизаціи и наукъ.—Къ портрету А. С. Даргомыжскаго.—
 Новыя извѣстія.—Сурмелъ, командиръ парохода «Эносисъ».—Суецкій каналъ.—Мексиканскіе истуканы.—Объявленіе.—Шахматная задача № 3.

РИСУНКИ: Портретъ А. С. Норова.—Открытіе статуи короля Карла XII въ Стокгольмѣ 18 (30) Ноября 1868 г.—Засѣданіе С.-Петербургскаго Окружнаго Суда по дѣлу объ убійствѣ въ
 Гусевомъ переулкѣ.—Засѣданіе парижской конференціи по греко-турецкой распрѣ.—Портретъ А. С. Даргомыжскаго.—Похороны А. С. Даргомыжскаго.—Сурмелъ, командиръ парохода
 «Эносисъ».—Суецкій каналъ.—Мексиканскіе истуканы.

А. С. Норовъ.

23 января скончался на 73
 году жизни, послѣ тяжелой бо-
 лѣзни, Авраамъ Сергѣевичъ
 Норовъ, членъ государствен-
 наго совѣта, предѣлатель ар-
 хеографической комисіи, ака-
 демикъ, бывшій министръ на-
 роднаго просвѣщенія, извѣст-
 ный писатель и путешествен-
 никъ ко святымъ мѣстамъ.
 Выносъ тѣла его изъ дома
 Ярецкаго, по Владимірской
 улицѣ, 25 января, почтили
 своимъ присутствіемъ: Госу-
 дарь Императоръ, Наслѣдникъ
 Цесаревичъ, Государи Великіе
 Князья Константинъ Николае-
 вичъ и Владиміръ Александро-
 вичъ, Принцъ Петръ Георгіе-
 вичъ Ольденбургскій, многіе
 члены государственнаго совѣта,
 министры, академики, ученые
 и писатели.

А. С. Норовъ родился въ
 1796 г. Родители его владѣ-
 ли помѣстьями въ Рязанской,
 Тульской и Костромской губер-
 ніяхъ. Въ службу вступилъ
 въ с.-петербургскую резервную
 артиллерійскую бригаду юнге-
 ромъ въ 1810 г., и вслѣдъ
 затѣмъ переведенъ лейбъ-гвар-
 діи въ артиллерійскую бригаду,
 а въ 1811 г. произведенъ въ
 прапорщики. Въ 1812 г., 26
 августа въ битвѣ подъ Боро-
 динымъ, А. С. Норовъ, будучи
 16-ти лѣтъ, былъ раненъ яд-
 ромъ въ ногу, вслѣдствіе че-
 го у него была отнята нога;
 за это онъ награжденъ орде-
 номъ св. Владиміра 4-й сте-
 пени съ бантомъ. Въ 1823 г.,

А. С. Норовъ, въ чинѣ пол-
 ковника, уволенъ отъ военной
 службы за рану, для опредѣ-
 ленія къ статскимъ дѣламъ,
 съ чиномъ статскаго совѣт-
 ника и пенсіономъ. Въ 1827
 г. опредѣленъ чиновникомъ
 особыхъ порученій по мини-
 стерству внутреннихъ дѣлъ;
 въ 1832 г. пожалованъ въ
 дѣйствительные статскіе со-
 вѣтники. Въ 1834 г., А. С.
 Норовъ, по Высочайшему со-
 изволенію, былъ уволенъ въ
 отпускъ на одинъ годъ, для
 поклоненія святому гробу Го-
 сподню, съ возложеніемъ на
 него особаго порученія, въ
 провѣздѣ его чрезъ Александрію,
 къ генеральному консулу Дю-
 гамилію. Въ 1836 г., Норовъ
 назначенъ былъ предѣлатель-
 емъ учрежденной при стати-
 стическомъ отдѣленіи совѣта
 министерства внутреннихъ дѣлъ
 комисіи для разбора старыхъ
 дѣлъ, а въ 1838 г. предѣ-
 латель комисіи для приведе-
 нія въ извѣстность доходовъ
 города С.-Петербурга отъ бе-
 реговыхъ мѣсть по р. Невѣ;
 въ 1839 г. опредѣленъ сна-
 чала правителемъ канцеляріи
 статсъ-секретаря Его Величе-
 ства у принятія прошеній, а
 вскорѣ послѣ того членомъ
 комисіи прошеній, послѣ чего
 въ разное время исправлялъ
 должность статсъ-секретаря у
 принятія прошеній. Въ 1849
 году Норову повелѣно присут-
 ствовать въ правительствую-
 щемъ сенатѣ. Въ 1850 г. онъ
 назначенъ товарищемъ мини-
 стра народнаго просвѣщенія.

А. С. Норовъ † 23 января 1869 г. (Съ фотографіи А. Лушева граа Л. А. Сирлюковъ).

а въ 1851 г. председателемъ археографической комиссии и въ томъ же году утвержденъ ординарнымъ академикомъ отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ, въ 1853 г., 7 апрѣля, Норовъ назначенъ исправляющимъ должность министра народнаго просвѣщенія, за болѣзнью министра князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, а въ 1854 г., апрѣля 11, Норову Всемилостивѣйше повелѣно быть министромъ народнаго просвѣщенія, въ какой должности онъ находился до 1858 г. Въ 1858 г., марта 23, при увольненіи отъ должности министра, Норовъ оставленъ членомъ государственнаго совѣта, съ сохраненіемъ прочихъ званій и должностей. По день кончины, А. С. Норовъ свободные часы своего времени не переставалъ посвящать ученымъ и литературнымъ трудамъ, которые оставилъ было на нѣкоторое время, глубоко опечаленный потерей любимой жены Варвары Егоровны, урожденной Паниной, прахъ которой, съ неизмѣнною любовью, постоянно почти еженедѣльно, онъ посещалъ въ Сергіевской пустыни, близъ Петербурга. Въ эту же пустынь нынѣ отвезено для преданія землѣ и его тѣло. А. С. Норовъ имѣлъ дѣтей вскорѣ послѣ женитьбы, но они умирали почти вслѣдъ за рожденіемъ.

Къ этому краткому формулярному списку покойнаго А. С. Норова, сообщаемому «Правительственнымъ Вѣстникомъ», не можемъ не прибавить теплаго душевнаго слова, которое сказано нашимъ ветераномъ литераторомъ почтеннымъ А. В. Никитенко въ № 26 «Голоса»: Общество потеряло въ немъ одного изъ благороднѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ своихъ членовъ и дѣятелей. Въ немъ соединялось многое, что дѣлаетъ жизнь людей явленіемъ свѣтлымъ и достойнымъ высшаго человѣческаго назначенія: не укоризненно честныя стремленія гражданина, заслуги ученаго и писателя и прекрасное вселюбящее сердце, полное христіанскихъ вѣрованій и благочестія. Въ ранней молодости онъ, въ великой бородинской битвѣ, запечатлѣлъ кровью вѣрность своему гражданскому долгу, потомъ, переходя отъ одного значительнаго поста государственной службы къ другому, вездѣ шелъ однимъ путемъ правоты и чести. Безпредѣльная любовь къ Государю и отечеству была главнымъ догматомъ его общественной нравственности и, въ тоже время, поэзіей его жизни и сердца. И все это озарялось и возвышалось въ немъ свѣтомъ науки, къ которой онъ не только постоянно питалъ глубокое сочувствіе, но которой посвящалъ все свое свободное отъ государственныхъ занятій время и труды. Какъ председатель археографической комиссии, онъ принималъ дѣятельное участіе въ обширныхъ историческихъ трудахъ ея, и въ послѣднее время его особенно занимало начатое ею, по его же инициативѣ, монументальное изданіе одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ нашей древней словесности — Четьихъ-Миней. Въ средѣ людей отечественной науки, составлявшихъ его обычное избранное общество, онъ являлся не простымъ любителемъ, но дѣятелемъ и знатокомъ, способнымъ вполне оцѣнить всякій трудъ, предпринятый или совершенный во имя русской мысли и русской словесности. Послѣ кратковременной болѣзни, онъ почилъ отъ бурь и подвиговъ жизни съ тѣмъ спокойствіемъ духа и покорностью святой волѣ Промысла, какия могутъ дать человѣку только вѣра и честное исполненіе своего человѣческаго долга на землѣ».

А. С. Норову принадлежатъ слѣдующія сочиненія.

1. Путешествіе по Сициліи въ 1822 г. Спб., 1828 г., въ 2 ч., съ картинами и планами Сициліи и Сиракузъ.
2. Путешествіе по святой землѣ въ 1835 г. Спб., 1838 г., въ 2 ч., in 8°. Съ картинами, гравированными на стали, съ картой Палестины, планами св. мѣстъ и Иерусалима и съ алфавитомъ именъ географическихъ, историческихъ и мѣстныхъ предметовъ.
- Того же сочиненія: изданіе 2-е, дополненное, съ примѣчаніями къ путешествію игумена Данила въ XII вѣкѣ. Спб., 1844, in 8° 2 ч., также съ рисунками и планами.
3. Путешествіе по Египту и Нубіи, въ 1834—1835 годахъ, служащее дополненіемъ къ «Путешествію по святой землѣ», въ 2 ч., съ рисунками и планами.
4. Путешествіе къ семи церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ. Спб., 1847, въ 1 ч., съ рисунками и планами.
- Всѣхъ этихъ четырехъ сочиненій новое компактное, нѣкоторыхъ второе, а другихъ третье, исправленное изданіе, Спб., 1853, въ 5 частяхъ, подъ заглавіемъ: «Путешествія А. С. Норова», въ 16 д. л. Нѣкоторые изъ этихъ сочиненій переведены на иностранные языки, въ Лейпцигѣ, 1860 г., тамъ же въ 1862, въ Прагѣ, 1851, и пр.
5. Изслѣдованія объ Атлантидѣ. Спб. 1854.
6. Нѣсколько мыслей стараго полоника. Спб., 1858; оттискъ изъ «Морскаго Сборника» (№ 4, 1858).

7. Защита синайской рукописи Библии отъ нападеній архимандрита Порфирія Успенскаго. Спб., 1863.

8. Путешествіе игумена Данила по святой землѣ, въ началѣ XII вѣка (1113—1115 г.) Издано археографической комиссіею, подъ редакціею А. С. Норова, съ его критическими замѣчаніями (съ планами и картинами Палестины и Иерусалима и снимками съ рукописей). Спб., 1864, in 4°, въ 1 ч.

9. Библиотека Авраама Сергѣевича Норова. (Bibliothèque de M-r Abraham de Noroff). Часть I, Спб., 1868. На оберткѣ медальонъ съ гербомъ автора и съ надписью: «Omnia si perdas, animam, servare memento».

Въ предисловіи къ книгѣ сказано: «Оставляя собранную мною въ продолженіи моей жизни библиотечку, въ память о себѣ, дорогой сердцу моему Москвѣ, я желалъ только, чтобъ не ранѣе, какъ по кончинѣ моей, для исполненія сдѣланныхъ въ моемъ духовномъ завѣщаніи назначеній было выдано за нее 17,000 руб. серебромъ, безъ процентовъ. Конечно, это не есть оцѣнка моей библиотечки. Я заявилъ также мое желаніе, чтобы портреты мой и моей покойной жены, способствовавшей мнѣ съ любовью въ моихъ библиографическихъ пріобрѣтеніяхъ, составили принадлежность библиотечки, не изъ тщеславія, а изъ любви нашей къ Москвѣ. Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ исполнить мое желаніе и чтобы моя библиотечка сохранила навсегда мое имя».

10. Notice bibliographique sur un manuscrit autographe des oeuvres inédites de Giordano Bruno Nolano, tirée du catalogue de la Bibliothèque de M-r. Abraham de Noroff. Спб., 1868, съ факсимиле рукописей.

11. Война и миръ. 1805 — 1812 гг., съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника. (По поводу сочиненія гр. А. Н. Толстаго «Война и миръ») А. С. Норова, Спб. 1868 г. (Изъ 11 № Военнаго Сборника 1868 г.) *).

ВНУТРЕННЯЯ И ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

2 Февраля 1869 года.

Князь Николай I Черногорскій уѣхалъ изъ Петербурга. Пребываніе Его Свѣтлости въ Россіи по всей вѣроятности не пройдетъ безслѣдно для славянскаго дѣла. Россія, въ лицѣ двухъ своихъ столицъ, встрѣтила черногорскаго государя съ такимъ радушіемъ и сочувствіемъ, которыя должны были доказать князю то, что уже давно сознаетъ его народъ, т. е. что для черногорцевъ нѣтъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ друзей какъ мы, русскіе и что этимъ провозвѣстникамъ объединенія всего сербскаго племени всегда можно разсчитывать на сочувствіе, а въ данномъ случаѣ и на опору Россіи.

Князь Николай, кромѣ воспоминаній о радушіемъ приемѣ, оказанномъ ему Государемъ Императоромъ, увозить еще съ собою и вещественные знаки этого радушія. Передъ отъѣздомъ онъ получилъ отъ Его Величества въ подарокъ золотую саблю, украшенную брилліантами и вензелевымъ изображеніемъ имени Государя, а супруга его, княгиня Милева, получила орденъ св. Екатерины Великомученицы. Кромѣ того, по слухамъ, заслуживающимъ вѣроятія, Его Императорское Величество изъявилъ согласіе на просьбу князя быть воспреемникомъ, ожидаемаго Его Свѣтлостію въ скоромъ времени, ребенка.

Московское дворянство сдѣлало надняхъ чрезвычайное знаменательное заявленіе, приносящее ему величайшую честь. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатанъ всеподданнѣйшій адресъ этого дворянства, выражающій глубочайшую признательность державному преобразователю Россіи за всѣ имъ совершенныя реформы и желаніе, чтобы впредь обновленное отечество наше шло бы по тому же пути, по которому шло оно донынѣ. Адресъ этотъ лучшій отвѣтъ тѣмъ клеветникамъ, которые, въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати стараются увѣрить будто современные реформы, вслѣдствіе не совсѣмъ осмотрительнаго ихъ осуществленія на практикѣ, отзываются невыгодно на дворянскомъ сословіи, которое вслѣдствіе этого будто бы и не довольно ими. Послѣ адреса, напечатаннаго въ правительственной газетѣ, всѣ подобныя злокачественныя намеки должны замолкнуть, если только авторы ихъ не хотятъ обнаружить ужъ слишкомъ открыто тѣ тайныя побужденія, которыя кроются за ихъ псевдо-охранительными возгласами....

*) Мы не успѣли составить болѣе подробной биографіи А. С. Норова, чѣмъ имѣющіяся уже въ газетахъ. Помѣщаемъ лучшую изъ биографій покойнаго, напечатанную въ «Сѣверной Пчелѣ».

Въ теченіи этой недѣли въ публикѣ было много толковъ о дѣлѣ редактора газеты «Москва», разсматривавшемся въ прошлую среду въ 1-мъ департаментѣ правительствующаго сената. Троекратное пріостановленіе газеты г. Аксакова давало, по закону, подлежащимъ властямъ, право войти въ сенатъ съ представленіемъ объ окончательномъ прекращеніи изданія этой газеты, что и было сдѣлано. 1-й департаментъ сената, получивъ такое предложеніе, допустилъ г. Аксакова представить объясненія съ своей стороны, что и было исполнено редакторомъ «Москвы».

По извѣстіямъ московскихъ газетъ, въ послѣднее время, въ г. Моршанскѣ (Тамбовской губерніи) сдѣлано весьма важное открытіе мѣстными полицейскими властями. Въ этомъ городѣ арестованъ купецъ Платицынъ, который оказался главой всей скапческой секты въ Россіи. Въ домѣ его найдено нѣсколько изувѣченныхъ женщинъ и страшныя массы денегъ, золота, серебра, банковыхъ билетовъ и ассигнацій, доходящія до многихъ десятковъ миліоновъ. Эти громадныя суммы, оказались общественнымъ капиталомъ секты, съ помощью которыхъ сектаторы мечтали, въ послѣдствіи, доставить господство своему отвратительному ученію въ Россіи. Утверждаютъ, будто изъ корреспонденціи, захваченной у Платицына, обнаруживаются сношенія русскихъ скопцовъ съ польскою революціонною партіею, чрезъ посредство Константинопольскаго эмигранта Оржековского, принявшаго имя Окши-Бея. Самъ собою разумѣется, что эти свѣдѣнія, полученные частнымъ путемъ, требуютъ еще подтвержденія и могутъ быть кое въ чемъ невѣрны и преувеличены.

Въ области иностранной политики за эту недѣлю совершилось нѣсколько важныхъ событій. Аѳинское правительство, послѣ продолжительныхъ колебаній, рѣшилось наконецъ подчиниться рѣшенію конференціи и принять декларацию, присланную ему участвовавшими въ этомъ собраніи державами. Министерство Булгариса не согласилось однакожъ взять на себя тягость такого рѣшенія, въ высшей степени непопулярнаго въ Греціи. Оно подало въ отставку и королю Георгію, послѣ нѣсколькихъ дней тщетныхъ попытокъ, удалось наконецъ составить новое министерство, согласившееся взять на себя отвѣтственность подчиненія требованіямъ конференціи. Во главѣ этого министерства сталъ Заимисъ, а портфель иностранныхъ дѣлъ достался Ѳедору Деліанису, двоюродному брату государственнаго человѣка того же имени, занимавшаго этотъ постъ въ министерствѣ Булгариса. Заимисъ и его товарищи, вскорѣ послѣ вступленія своего во власть, дали удовлетворительный отвѣтъ на декларацию и графъ Карлъ Валевскій немедленно повезъ его въ Парижъ. Какъ только отвѣтъ Греціи будетъ доставленъ по назначенію, члены конференціи снова соберутся на засѣданіе, на которомъ и будетъ предложено Турціи взять обратно ультиматумъ. Въ согласіи Турціи не сомнѣваются и ожидаютъ, что немедленно послѣ этого будутъ восстановлены дипломатическія сношенія между Аѳинами и Константинополемъ, съ назначеніемъ однакожъ новыхъ лицъ на посты дипломатическихъ агентствъ при обоихъ дворахъ.

Такимъ образомъ, если не случится ничего особеннаго, то греко-турецкое столкновеніе можетъ считаться улаженнымъ мирнымъ образомъ и опасность кризиса на востокѣ на время устраненною. Это однакожъ еще не значитъ, чтобъ Турція въ настоящую минуту находилась въ полной безопасности. Напротивъ, если послѣднія извѣстія изъ Константинополя справедливы, то блистательной Портѣ грозитъ немедленная опасность съ другой стороны. Уже довольно давно происшедшій дипломатическій разрывъ между Турціей и Персіей приводитъ нынѣ кажется къ войнѣ. Въ Константинополѣ получено извѣстіе, что Шахъ Персидскій во главѣ значительной арміи двинулся на Багдадъ, и что на встрѣчу ему выступилъ десятитысячный турецкій корпусъ....

Если за этими первыми враждебными демон-

страциями послѣдуетъ серьезная война, то можно почти съ увѣренностью сказать, что вслѣдъ за ея объявленіемъ на европейскомъ Востоѣ опять вспыхнетъ на время затихшее пылъ движеніе. Дѣйствительно, война съ Персіей должна оттянуть весьма значительную часть турецкихъ вооруженныхъ силъ съ Балканскаго полуострова и по всей вѣроятности этою дислокаціею замедлятъ воспользоваться турецкіе христіане, все это время находившіеся въ крайне напряженномъ состояніи. Въ Болгаріи, въ Босніи, въ греческихъ провинціяхъ и даже на усмирненной Кандіи опять поднимутся райи противъ мусульманскаго владычества, и греческому правительству придется можетъ быть, волей не волей, подъ гнетомъ общественнаго мнѣнія страны, отречься отъ недавно данныхъ имъ обѣщаній... Оптимизму во всякомъ случаѣ предаваться никакъ нельзя и думать, что опасность столкновений на Востоѣ миновала—по меньшей мѣрѣ преждевременно.

Въ Испаніи наконецъ собрались кортесы. Засѣданія ихъ открылъ маршалъ Серрано въ качествѣ главы временнаго правительства. Въ рѣчи своей маршалъ выражался крайне сдержанно, стараясь избѣгать всего, что могло бы намекнуть на политическія стремленія его и его товарищей. Кортесы приняли эту рѣчь довольно сочувственно.

Что же касается до кандидатуры на Испанскій престолъ, то, въ послѣднее время, передъ самымъ собраніемъ кортесовъ, снова выдвинулась впередъ кандидатура отца португальскаго короля донъ Луиса, донъ Фернандо. Кандидатура эта врядъ ли не самая лучшая изъ всѣхъ. Донъ Фернандо извѣстенъ либеральностію своихъ воззрѣній и глубокимъ уваженіемъ къ конституціоннымъ принципамъ, да кромѣ того его вступленіе на испанскій престолъ будетъ первымъ шагомъ къ той «Иберійской униі» (т. е. сліянію Португаліи съ Испаніею), которая, въ силу всемогущаго въ нашъ вѣкъ принципа сліянія однородныхъ національностей, одна въ состояніи возродить и укрѣпить столь давно находящуюся въ упадкѣ монархію Карла V-го.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Грамата князя Черногорскаго г. Погодину.

«Вожіею милости, мы, Николай I, князь Цригорскій и Брдскій, заслуженому профессору, академику, Михаилу Петровичу Погодину. За особіе услуги ваше, указане пригоровскому народу и нама, нашли смо се побучени одноквати вас орденемъ I-степена князя Данила I, установльнимъ за независимость Црие Горе, коета вамъ знакове овимъ спроводимо.

«На Цетину, 1-го януарія 1869.

«Князь Цригорскій Николай.»

Накормите голоднаго! Подъ этимъ заглавіемъ с.-петербургское благотворительное общество сообщаетъ слѣдующее: согласно съ своимъ уставомъ приступило съ 1-го декабря 1868 года къ открытію народныхъ кухонь для продажи дешевой пици и въ тоже время желая дать лицамъ, готовымъ оказывать помощь нуждающемуся ближнему, возможность творить добро съ отраднымъ сознаниемъ достигнутой цѣли, постановило: съ 1-го декабря 1868 года открыть продажу билетовъ на право бесплатнаго полученія пици изъ кухонь общества. Благотворитель, давая нуждающемуся такой билетъ, можетъ быть убѣжденъ, что совершилъ истинно доброе дѣло, потому что изъ кухонь общества, адресъ которыхъ обозначенъ на билетахъ, выдается предъявителю:

За одинъ билетъ въ 10 коп. обѣдъ, состоящій изъ щей или похлебки съ 1/4 ф. мяса, каши и 1 1/2 ф. хлѣба.

За одинъ билетъ въ семь коп. порція теплой пици (щи или похлебка) и 1 фунтъ хлѣба.

Билеты продаются пачками по 5 и 10 штукъ: цѣна означена на бандероляхъ, связывающихъ пачку.

Билеты можно получать:

У предѣдательницы общества княгини Е. Г. Волконской, на Англійской набережной, домъ Зурова.

У секретаря общества П. В. Рагоцкаго, противъ Смольнаго, домъ Экардта, кварт. № 15.

Кромѣ того трудъ продажи билетовъ приняли на себя магазины: Сазикова, въ Большой Морской, № 29; Глазунова, въ Садовой; Исакова, Вольфа, въ Гостиномъ дворѣ; Елисѣева, на Невскомъ; Альфреда, Дюссо, въ Большой Морской; Назарова, въ Караванной; Лабутина, на углу Итальянской и Михайловской площади; Корвина, на Апраксиномъ дворѣ; Ужонена, Качъ, на Невскомъ.

— Газета «Вѣсть» говоритъ, что г-жа Патти приметъ участіе въ концертѣ 16-го февраля въ залѣ дворянскаго собранія въ пользу нуждающихся студентовъ здѣшняго университета. Кромѣ того, г-жа Патти обѣ

щала свое содѣйствіе тремъ другимъ концертамъ: въ пользу инвалидовъ, въ пользу музыкантовъ итальянской оперы, и одному, который она сама предполагаетъ устроить, въ пользу бѣдныхъ французовъ С.-Петербурга.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» сообщаютъ, что публичное засѣданіе военно-морскаго суда по дѣлу о крушеніи фрегата «Александръ Невскій» назначено въ пятницу, 7-го февраля, въ 12 часовъ дня, въ залѣ морской бібліотеки, въ зданіи главнаго адмиралтейства. Въ числѣ обвиненныхъ находится контръ-адмиралъ Посыетъ, который самъ пожелалъ предстать передъ судомъ. Дѣло будетъ разбираться при открытыхъ дверяхъ, но, говорятъ, что всѣ билеты на него уже разобраны.

— Въ Газетѣ «Кавказъ» сообщаютъ, что по поводу происшедшихъ въ старшихъ классахъ тифлисской классической гимназіи безпорядковъ, по приказанію Его Императорскаго Высочества намѣстника, 7-й классъ закрытъ до 1-го сентября настоящаго года. Главные виновники безпорядковъ исключены. Затѣмъ остальные ученики 7-го класса могутъ держать въ маѣ мѣсяцѣ экзаменъ въ знаніи гимназическаго курса, на правахъ частныхъ лицъ; тѣ же изъ учившихся въ этомъ классѣ, которые признаны или маловиновными или вовсе невиновными, держатъ обыкновенный выпускной экзаменъ и получаютъ аттестаты, если по успѣхамъ будутъ ихъ заслуживать, а для облегченія имъ приготовленій къ тому, для нихъ устраиваются репетиціонные уроки въ особомъ помѣщеніи. Тамъ же открыты будутъ классы для учениковъ 5-го и 6-го классовъ, которые почитаются добровольно выбывшими изъ гимназіи, заявивъ свое нежеланіе подчиняться установленнымъ въ ней правиламъ. Родители этихъ учениковъ должны подавать, начиная съ 7-го января, просьбы директору гимназіи о принятіи ихъ дѣтей снова въ гимназію, причемъ должны дать подписку въ томъ, что они будутъ подчиняться всѣмъ правиламъ и установленіямъ гимназіи и будутъ имѣть бдительный надзоръ за внѣкласснымъ поведеніемъ своихъ дѣтей.

— Въ «Моск. Вѣд.» пишутъ: Въ Моршанскѣ проживаетъ весьма богатый купецъ Плотницинъ, имѣющій торговыхъ агентствъ въ Москвѣ, Петербургѣ и т. д. Кромѣ обширныхъ хлѣбныхъ операцій, онъ занимается и отдачей денегъ въ ссуду. Въ числѣ должниковъ его былъ также нѣкто купецъ Болотинъ, изъ Моршанска, находившійся въ декабрѣ въ Петербургѣ, гдѣ его задерживали нѣкоторые причтавшіеся съ него платежи. Около того же времени получилъ онъ письмо отъ Плотницина съ напоминаніемъ о долгѣ и просьбой, въ теченіе наступающаго года, уплатить по мѣрѣ возможности слѣдующей съ него суммы. И что же? Въ отвѣтъ на это, Болотинъ сѣлшить въ Моршанскъ, съ тѣмъ, чтобы доставить жандармскому штабъ-офицеру (г. Скотсу) на своего должника, какъ на раскольника. Весь домъ Плотницина былъ опечатанъ, а хозяинъ, вѣсь не раскольникъ (хотя сынъ старообрядца), и живущая съ нимъ сестра арестованы. Племянникъ его подалъ на то жалобу. 21-го января дѣло было въ разсмотрѣніи комитета министровъ, и тотчасъ сдѣланы надлежащія распоряженія о строгомъ изслѣдованіи этого дѣла.

— Въ «Моск. Вѣд.» пишутъ изъ Вильны, отъ 25-го января: «Тридцать семь салоновъ въ продолженіе этого мѣсяца, въ Вильнѣ, были облиты сѣрною кислотою. Салоны эти принадлежатъ отчасти православнымъ дамамъ, но большею частію католичкамъ, или, какъ здѣсь говорятъ, Полькамъ, и облиты они дабы напомнить объ *оичизнѣ*, по которой слѣдуетъ носить трауръ. Польскій заговоръ умышленно распространяетъ въ народѣ слухи самаго мрачнаго свойства объ убійствахъ, которыя совершаются или готовятся, такъ что всѣ здѣсь въ трепетѣ и страхѣ. Паны польскіе основываясь на этомъ, просятъ чтобы имъ было дозволено носить при себѣ револьверы и другое оружіе. Не знаю, получено ли ими это разрѣшеніе. Паны просятъ также, чтобы по усадьбамъ ихъ были разставлены солдаты. Говорятъ, что просьба ихъ исполнена или будетъ исполнена. Думаютъ, что паны будутъ ухаживать за солдатами, дабы расположить ихъ къ себѣ, и что это можетъ сие болѣе смущать и устрашать народъ.— Проф. Китаря по этому случаю совѣтуетъ виленскимъ дамамъ облиты кислотою мѣста смачивать *нашатырнымъ спиртомъ* и обмывать водою: тогда пятна отъ кислоты исчезнутъ.

НЕВѢСТКА.

(Повѣсть).

(Продолженіе.)

III.

Тотчасъ почти послѣ ужина я ушелъ въ приготовленную мнѣ комнату, которая съ незапамятныхъ временъ, такъ и звалась «моею.» Долго еще я курилъ у раствореннаго окна, провѣряя впечатлѣніе, произведенное на меня этой первой встрѣчей съ моею невѣсткой, и не могъ скрыть отъ себя, что мое недовѣріе къ ней, хотя мы едва успѣли перекинуться нѣсколькими словами, почти безъ всякой видимой причины, значительно ослабло. Улыбка ея была такъ ясна, все въ ней дышало такимъ непритворнымъ счастьемъ, ко мнѣ она съ первой же минуты отнеслась такъ родственно, просто, что этимъ уже на половину побѣдила мое предубѣжденіе. Я однако не поддавался начинавшему уже охватывать меня обаянію ея свѣтлой личности, не позволяя ея дружескому обращенію со мною подкупить мое сужденіе о ней, и заснулъ, болѣе чѣмъ

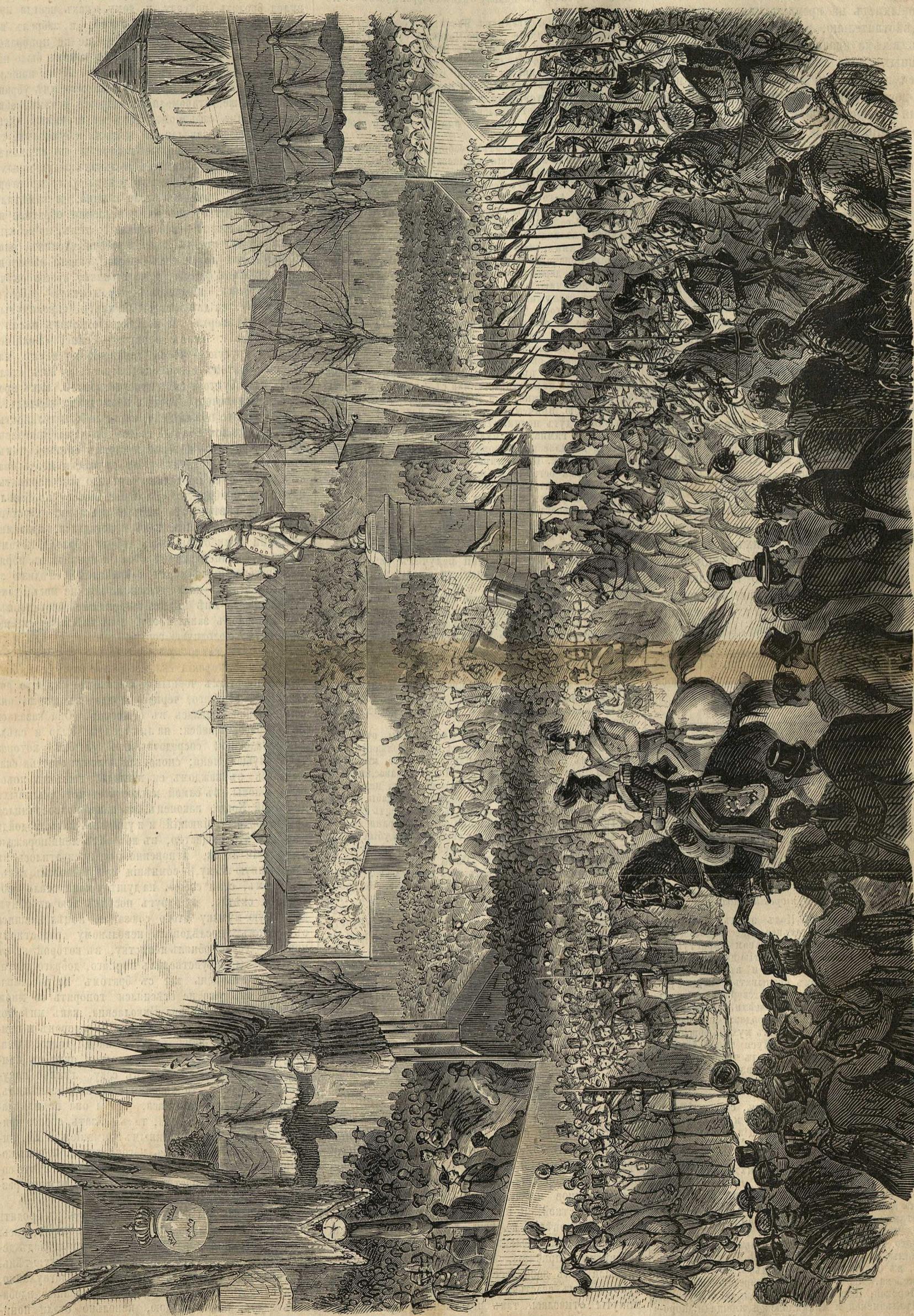
когда либо рѣшившись вступить въ предначертанную себѣ роль безпристрастнаго наблюдателя и судьи.

На слѣдующее утро, проснувшись рано, я отправился бродить по саду и дому, какъ всегда при первомъ пробужденіи въ деревнѣ, и забрелъ къ брату въ кабинетъ. Тамъ было еще не прибрано; все оставалось въ томъ видѣ, въ какомъ было накануне, въ минуту моего пріѣзда. Я не нашелъ никакихъ измѣненій противъ знакомаго мнѣ убранства: тотъ же, старомодный, широкій диванъ, обитый темнымъ сафьяномъ, тотъ же огромный письменный столъ, заваленный книгами и бумагами, тѣ же потемнѣвшіе семейные портреты по стѣнамъ, тотъ же каминъ, свидѣтель столькихъ задушевныхъ бесѣдъ *à deux*. Только въ одномъ углу просторной комнаты, именно около камина, я замѣтилъ новое устройство, которое немедленно обратило на себя мое инквизиторское вниманіе: тамъ, на небольшомъ коврѣ, стоялъ женскій рабочій столикъ, около него—два низенькихъ кресла, самаго изощреннаго удобнаго фасона, а на столикѣ, кромѣ свѣчи съ абажуромъ, я увидѣлъ хорошенькую рабочую корзиночку, да двѣ раскрытыя книги, опрокинутыя корешкомъ вверхъ. Я полюбопытствовалъ посмотреть заглавія: взялъ первую—Гейне, «Buch der Lieder,» другую—ученое сочиненіе по наукѣ, избранной братомъ своей спеціальностію. Мнѣ стало ясно, какъ будто я самъ присутствовалъ, какъ проводили они вечеръ, когда я неожиданно наѣхалъ...

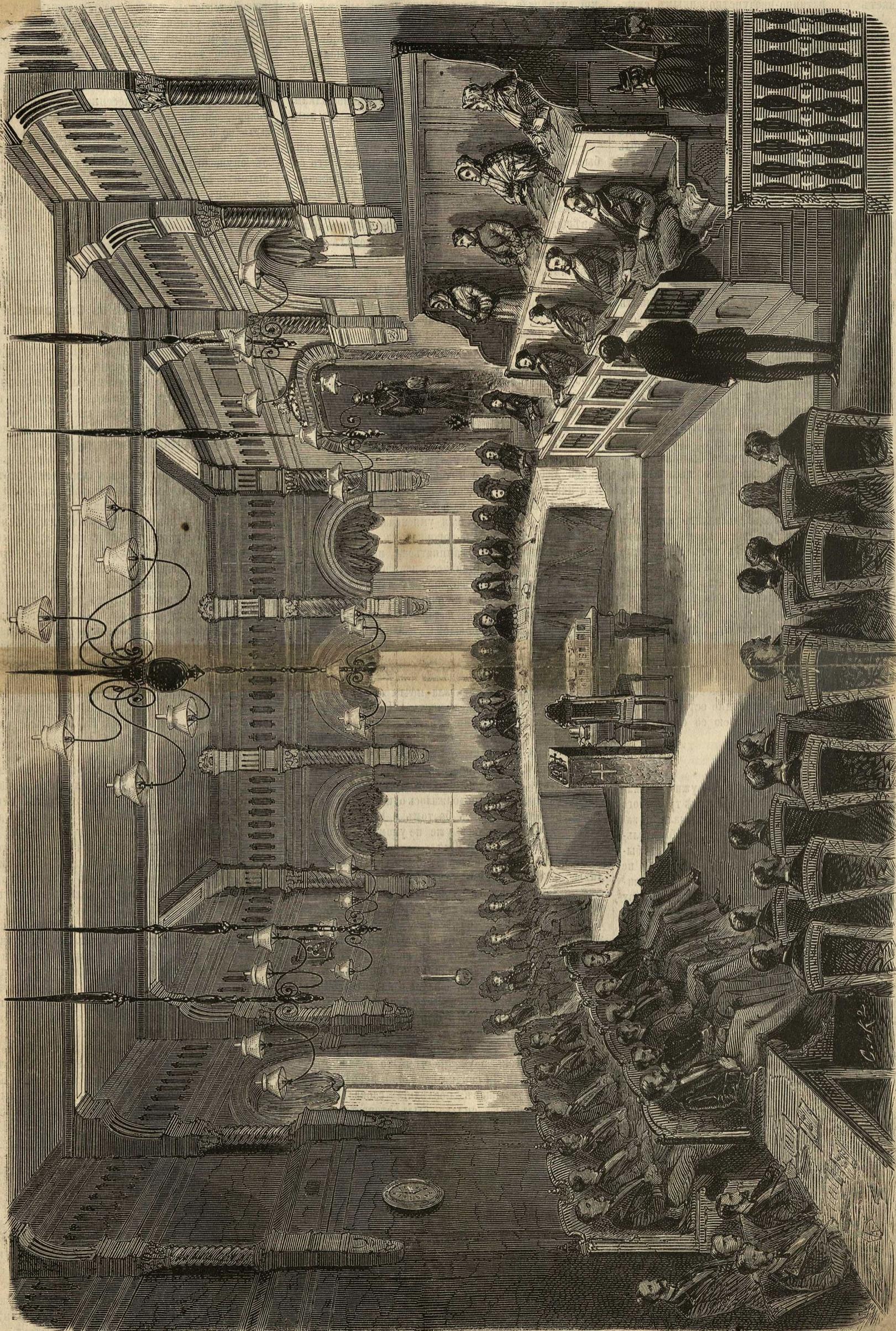
— Скажите пожалуйста, какая любознательность! вдругъ раздался веселый голосъ Варвары Николаевны у двери, къ которой я стоялъ спиною, такъ, что я даже вздрогнулъ. Она дружески поздоровалась со мною, и, продолжая шутливо разговаривать, принялась прибирать: «Buch der Lieder» поставила на полку, повѣшанную надъ ея креслами, и установленную ея любимыми, какъ я догадался, поэтами, русскими и иностранными; работу убрала, потомъ перешла къ письменному столу и привела въ порядокъ разбросанныя книги и бумаги. Я слѣдилъ за ея движеніями—наглядѣться на нея не могъ, такъ странно было мнѣ видѣть въ домашней обстановкѣ, въ будничномъ занятіи эту, какъ мнѣ казалось еще накануне, холодную, гордую красавицу, эту «сухую ученую женщину.» Странными даже казались мнѣ на ней широкія складки бѣлой блузы, подпоясанной простымъ чернымъ кушакомъ, вмѣсто роскошнаго, строгаго, чернаго наряда, въ какомъ она обыкновенно являлась въ обществѣ. Она казалась мнѣ переродившейся: на лицѣ ея не было и слѣда той загадочной, сосредоточенной улыбки, которая такъ смущала меня; спокойная полнота счастья сказывалась въ каждомъ ея взглядѣ, каждомъ поворотѣ головы, въ самой мягкости ея неторопливыхъ движеній. Когда, наконецъ, къ намъ присоединился братъ, бодрый, сияющій, и я увидѣлъ, какъ, подойдя къ нему, это существо, въ которомъ меня поражало отсутствіе ласки, мгновенно все превратилось въ одну живую ласку,—сомнѣнія мои рушились какъ-то разомъ, сами собою, на душѣ у меня стало свободно и свѣтло, я вдругъ постигъ всю стройную душевную музыку этого союза, и, поцѣловавшись съ братомъ, послѣдовалъ невольному радостному порыву—горячо обнявъ невѣстку, въ которой я, съ этой минуты, почувствовалъ вѣрнаго, добраго друга.

Весь этотъ день мы съ братомъ не разставались и онъ уже не стѣснялся говорить со мною о своей женѣ. Варвара Николаевна, какъ мнѣ показалось, умышленно держалась въ сторонѣ и присоединялась къ намъ рѣдко и не на долго. Она, то уходила къ себѣ, то садилась у окна съ книгой, то гуляла неподалеку въ саду, лѣниво покуривая папироску, то хозяйничала; но я замѣтилъ, что не проходило получаса, чтобы она не навѣдалась къ намъ, не заявила, такъ сказать, своего присутствія хотя бы безвольнымъ вниманіемъ. Ей, видимо, хотѣлось дать намъ наговориться, и ужъ конечно она болѣе, чѣмъ подозрѣвала, кто и что составляетъ преимущественно предметъ нашего разговора.

Отправились мы съ братомъ подъ вечеръ бродить по лѣсамъ и полямъ, и когда мы возвращались, ранняя весенняя луна уже высоко стояла надъ деревьями, которыя бросали на землю сѣтчатую тѣнь. Кругомъ насъ было такъ тихо, такъ благоуханно, такъ сумрачно-свѣтло, что мы, настроенные вдобавокъ задушевною бесѣдою, невольно стали понижать голосъ и наконецъ замолчать по мѣрѣ того, какъ подходили къ дому. Въ окнахъ не было огня, а на открытомъ балконѣ, обсаженномъ сиренью,—дрожала и переливалась та же причудливая тѣнь. Пахнулъ на насъ вѣтеръ и принесъ тихіе звуки

Открытие статуи короля Карла XII в Стокгольме 18 (30) ноября 1868 года.

Засідання С.-Петербурзького Окружного Суду по справі убійств в Гусевомъ переулку. (По рисунку Боданова грав. А. А. Стрелков.)

рояли. Братъ остановилъ меня за руку. Мы стали прислушиваться. Играла она ту дивную весеннюю пѣсню Мендельсона (Frühlingslied), которую знаетъ каждый дилетантъ, но которую рѣдкій художникъ исполняетъ съ истинно-прочувствованнымъ смысломъ. А между тѣмъ, въ этой игривой, но все же задумчивой мелодіи, съ тихимъ аккомпаниментомъ простыхъ, не затѣйливыхъ аккордовъ, разбитыхъ на арфовые звуки, слышится вся свѣжая прелесть весенняго утра гдѣ нибудь на югѣ, когда, подъ живую пѣсню ликующаго сердца поэта, трепещетъ все въ природѣ, какъ вѣщая струна; трепещетъ золотая зыбь, рябится и дробится надъ синимъ зеркаломъ, лѣниво всплескивающего, вдоль берега, моря; трепещетъ тѣнь, трепещетъ листъ; въ воздухѣ шелестъ и щебетаніе, вездѣ жизнь, движеніе, въ душѣ и нѣга, и сила, и желаніе чего-то... Все это до сихъ поръ смутно чудилось мнѣ въ этихъ звукахъ, но никогда удовлетворительно и ясно не передавалось въ игрѣ слышанныхъ мной бравурныхъ виртуозовъ, общій недугъ которыхъ состоитъ именно въ страсти заявить свою личность и создавать матеріальныя трудности даже тамъ, гдѣ композиторъ имѣетъ въ виду вовсе не удивить слушателя, а расположить его, настроить извѣстнымъ образомъ, увлечь за собою въ тотъ или другой міръ чистыхъ грезъ, фантазій, спокойнаго созерцанія, — все это теперь дышало и лилось въ игрѣ моей невѣстки. Тутъ я ее понималъ лучше, нежели могъ бы понять ее послѣ цѣлаго ряда даже откровенныхъ, задушевныхъ разговоровъ.

Братъ какъ-то торжественно взглянулъ на меня. — Ужъ подлинно медовый мѣсяцъ! проговорилъ я почти съ усиліемъ, — такъ трудно было мнѣ вырваться изъ того міра безмолвнаго наслажденія, куда переселила меня и наша вечерняя прогулка и неожиданно обдавшие меня звуки.

— Какой медовый мѣсяцъ! досадливо прервалъ меня братъ: да у насъ съ ней, кромѣ медоваго мѣсяца, ничего не возможно. Въ тотъ день, когда кончится нашъ медовый мѣсяцъ, кончится и всякое счастье. Мы не дѣти, не юноши, — для насъ aut omnia aut nihil — середины быть не можетъ.

Мы вошли въ залу, самоваръ уже дымился на столѣ; мигомъ появились свѣчи; за чаемъ мы всѣ трое были какъ-то неразговорчивы, быть можетъ потому, что сама Варвара Николаевна не принимала на себя инициативы. Она была молчалива, и съ лица ея еще не сбѣжало то разсѣянное, торжественное выраженіе, которое обыкновенно остается послѣ музыки у людей, занимающихся ею со страстью и полнымъ пониманіемъ.

IV.

Тихо и довольно однообразно снаружи потекла наша лѣтняя деревенская жизнь. Мы всѣ трое много бывали вмѣстѣ, но другъ другу не мѣшали и занимались каждый своимъ любимымъ или обязательнымъ дѣломъ. Только прогулки и чтенія часто бывали у насъ общія, но и то далеко не всегда, и не смотря на это — или вѣрнѣе, именно оттого — мы жили дружно, душа въ душу. Страсть моя къ анализу находила себѣ обильную пищу; наблюденіе за братомъ и невѣсткой, начатое мною въ такомъ недоброжелательномъ, почти недоброжелательномъ къ ней духѣ, хотя и оказалось совершенно излишней роскошью, но обратилось у меня въ привычку. Чѣмъ болѣе всматривался я въ ихъ отношенія, тѣмъ болѣе понималъ я и письмо брата и слова его въ вечеръ памятной прогулки. Тутъ не было тѣхъ приторныхъ, на посторонній глазъ и ухо gentillesse, безъ которыхъ обходится рѣдкій такъ называемый медовый мѣсяцъ у повѣнчавшихся школьничковъ и пансіонерковъ; не было тѣхъ размовокъ съ послѣдующими примиреніями, по поводу которыхъ сложилась весьма не мудрая пословица «милые бранятся только тѣшатся». Тутъ чувствовалась нѣчто могучее, ровное — чувствовалась сила. Но въ тоже время, съ каждымъ днемъ яснѣе становилось мнѣ, что если возникнетъ между ними недоразумѣніе, раздоръ, если раздастся или только послышится одному изъ нихъ фальшивая нота въ другомъ, — произойдетъ разрывъ окончательный, безвозвратный, тѣмъ болѣе не залечимый, что онъ будетъ скрытъ отъ всѣхъ постороннихъ. И страхъ меня бралъ при мысли о той страшной домашней драмѣ, которая въ такомъ случаѣ разыгралась бы безъ свидѣтелей, съ глазу на глазъ, въ четырехъ стѣнахъ, недоступной для постороннихъ супружеской спальни. Въ возможности подобнаго недоразумѣнія, я, къ несчастью, не могъ сомнѣваться — они оба были слишкомъ поматы жизнью, чтобы не дрожать надъ своимъ счастьемъ

съ суевѣрной мнительностью, не свойственной вообще ихъ сильнымъ, цѣльнымъ характерамъ — вѣдь глубокія раны безъ шрама не заживаютъ.

Сидѣли мы какъ-то въ кабинетѣ. День былъ жаркій, навѣвалъ лѣнь неодолимую, и каждый, въ молчанку, чѣмъ-то занимался или скорѣе дѣлалъ видъ, что занимается, а больше бездѣлничалъ, покуривая и потягиваясь, какъ вдругъ оживило насъ возвращеніе изъ города, посланнаго туда за газетами, журналами и письмами, мужика. Мы всѣ зашевелились, разговорились, засуетились надъ посылками и конвертами, вдругъ братъ перемѣнился въ лицѣ и задыхаясь вскрикнулъ: «Надя!»

— Мы бросились къ нему. Въ рукахъ у него было письмо изъ Петербурга, извѣщавшее, что сестра наша Надя простудилась, катаясь на островахъ, расхворалась, причѣмъ болѣе и болѣе усилился у нея кашель и неожиданно для всѣхъ скончалась, завѣщая послѣдними словами свою маленькую Юлію опеку брата. Мы оба, какъ я уже говорилъ, были сильно привязаны къ сестрѣ, и хотя давно подозрѣвали, что ея такъ называемое «слабое здоровье» ничто иное, какъ начинающаяся чахотка, однако остолбенѣли отъ такой быстрой развязки. Варвара Николаевна съ участіемъ смотрѣла на насъ и тоже казалась поражена и какъ бы озадачена горестнымъ для насъ извѣстіемъ.

— Придется тебѣ, братъ, отправляться въ Петербургъ за Юлей, обратился ко мнѣ братъ, лишь только началъ приходить въ себя — ей ни минуты нельзя тамъ оставаться: люди все такіе чужіе, хотя и родня отцу ея. Надя завѣщала ее мнѣ — она наша. Вѣдь такъ, Варя? Ты будешь ей матерью? Ты будешь любить мою маленькую Юлю? При тебѣ, при твоей любви, при воспитаніи, которое ты ей дашь, изъ нея выйдетъ существо болѣе здоровое душой и тѣломъ, чѣмъ наша бѣдная Надя. И какая она хорошенькая дѣвочка! Какая умненькая, ласковая...

Первые слова братъ говорилъ съ увѣренностью, но по немногу сталъ запинаться, наконецъ — послѣднія слова онъ произнесъ нерѣшительно, почти заступническимъ тономъ, потому что въ лицѣ Варвары Николаевны онъ не нашелъ того отвѣта, того отзывавшагося на его желаніе, который обыкновенно оживляетъ черты ея при каждомъ сказанномъ имъ словѣ. Лицо ея не выражало почти ничего, кромѣ общей грусти, и онъ вопросительно, какъ-то испуганно, глядѣлъ на нее. Наконецъ она встала, подошла къ нему, приласкалась, сказала почти на ухо: «потолкуемъ», и вышла изъ комнаты. Я не смѣлъ взглянуть на брата. У меня сердце сжалось неопредѣленнымъ чувствомъ чего-то близкаго, нехорошаго, и мнѣ тѣмъ болѣе было неловко, что я очень хорошо понималъ, что мое присутствіе помѣшало ей объясниться, «потолковать» съ мужемъ сейчасъ же. Неловкое молчаніе продолжалось однако недолго. Мы опять разговорились съ братомъ о Надѣ, ея болѣзни, ея дѣлахъ, но онъ уже не упоминалъ о своихъ планахъ относительно Юли.

За обѣдомъ мы всѣ опять были грустны, молчаливы, всѣ какъ будто ходили подъ чѣмъ-то тяжелымъ, подъ какимъ-то давящимъ ожиданіемъ, и я торопился убраться къ себѣ, чтобы долѣе не мѣшать необходимому объясненію между мужемъ и женой. Но нѣсколько погоды, задыхаясь въ тѣсной нагрѣтой солнцемъ комнатѣ и зная, что они обыкновенно въ это время уходятъ потолковать въ разные любимые тѣнистые закоулки или въ кабинетъ, я взялъ книгу и направился садомъ къ балкону, думая расположиться тамъ и пританиться до вечера. Подхожу — изъ-за сирени, отдѣляющей меня отъ балкона, слышу голоса, не громкіе, не раздраженные, но все таки звучащіе чѣмъ-то незнакомымъ, недобрымъ. У меня сердце ёкнуло, я невольно остановился и, услышавъ послѣднія слова Варвары Николаевны, не въ силахъ былъ оторваться.

— Будь ея опекуномъ, говорила она, дай ей лучшее образованіе, слѣди за каждымъ ея шагомъ, наконецъ откажи ей полюбившія — во всемъ я тебѣ помощница, сама буду любить ее, заботиться о ней; пусть пріѣзжаетъ гостить къ намъ, но пусть же у насъ въ домѣ не живетъ чужой ребенокъ, пусть не водворится чужой элементъ между мной и тобой.

Братъ молчалъ.

— Варя, заговорилъ онъ наконецъ глухимъ, надорваннымъ голосомъ — я тебѣ скажу ужасную вещь, такую, что языкъ не ворочается, но я не смѣю передъ тобою кривить душой: мнѣ кажется, мы другъ друга болѣе не понимаемъ; мнѣ кажется, нашъ медовый мѣсяцъ кончился.

Послѣдовало опять тяжелое молчаніе. Сквозь

сиреневыя вѣтви мнѣ видѣлась ея фигура съ неподвижной, угрюмой, словно замороженою выраженіемъ лица ея. Въ эту минуту она вся свернулася, вся замкнулася и слѣда не осталось той живой теплоты, которую сіяли каждый ея взглядъ, каждая ея улыбка съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ ее въ домашнемъ быту. Она такъ и не отвѣчала на слова, только наконецъ платъ ея шелестнуло. Смотрю — братъ съ болѣзненной, почти заискивающей улыбкою, какъ бы ища въ ней протеста или защиты противъ произнесеннаго имъ самимъ приговора, обнявъ рукой ея станъ и хотѣлъ притянуть ее къ себѣ — она тихо, тихо, но рѣшительно отступила, отстранила его руку и пошла въ домъ съ опущенными глазами, медленнымъ, твердымъ шагомъ. Братъ постоялъ, посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ такимъ выраженіемъ безвыходной тоски, отъ котораго у меня сердце надрывалось и угрюмо вышелъ въ садъ, оттуда въ поле, гдѣ и пропадалъ до поздней ночи...

(Окончаніе будетъ).

Статуя Карла XII въ Стокгольмѣ.

Прошло 150 лѣтъ послѣ смерти знаменитаго соперника Императора Петра I. Кажется нѣсколько страннымъ, что въ продолженіи полувѣка Швеція не почтила своего короля героя никакимъ памятникомъ, тогда какъ другими королямъ шведскимъ поставлены памятники ихъ наслѣдниками. Только въ прошломъ 1868 году, 18 (30) ноября происходило освященіе памятника шведскому герою, воздвигнутаго не однимъ какимъ-нибудь лицомъ, но всею шведскою націею, такъ какъ памятникъ этотъ сооруженъ по подпискѣ, въ которой, къ чести націи, приняты всѣ классы населенія, начиная съ princeps крови и кончая крестьяниномъ. Исполненіе статуи было поручено шведскимъ художникамъ и доказало, что выборъ ихъ былъ очень удаченъ.

Карлъ XII, сынъ Карла XI родился 6 (17) іюня 1682 года и взомель на шведскій престолъ въ 1697 году. Въ началѣ своего царствованія молодой король посвящалъ все свое время удовольствіямъ, велъ чрезвычайно разсѣянную и безпорядочную жизнь и только тогда выказалъ свой военный талантъ и всю свою энергію, когда въ 1700 году Швеція подверглась нападению со стороны Даніи, Россіи и Польши. Война продолжавшаяся двадцать лѣтъ извѣстна всякому, даже поверхностно знающему исторію; войной этой Карлъ XII оставилъ по себѣ славу и имя героя въ памяти шведскаго народа.

Хотя Карлъ XII и не былъ, ни образцомъ государственнаго человѣка, ни идеаломъ государя, тѣмъ не менѣе потомство съ признательностью отнеслось къ заслугамъ, оказаннымъ имъ странѣ. Ведя войны въ продолженіи всего своего царствованія, онъ не забылъ и внутренняго устройства своего государства; изъ переписки Карла XII съ Польгемомъ и Сведенборгомъ видно, что онъ обдумывалъ планы касательно улучшения внутренняго государственнаго строя, но планы эти были осуществлены только спустя долгое время послѣ его смерти.

Памятникъ Карлу XII поставленъ въ Стокгольмѣ въ королевскомъ саду, на бывшей площади Карла XII. Вышина статуи пятнадцать футовъ; она стоитъ на гранитномъ пьедесталѣ, вышиною тоже въ пятнадцать футовъ. Статуя эта вылита изъ бронзы въ Стокгольмѣ Георгомъ Герольтомъ изъ Нюрнберга, по угламъ пьедестала стоятъ четыре мортары съ изображеніемъ похищенія Прозерпины, работы дрезденскаго мастера Андрея Геральта, отлившаго ихъ 1678 г. Мортары эти взяты Карломъ XII въ Неймюнде въ 1701 году; онъ соединены между собою цѣпами, остатками древняго шведскаго корабля.

Дѣло объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ.

Дѣло объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ Аншаренкова и трехъ другихъ лицъ, произшедшее такое сильное впечатлѣніе на общество, разбиралось въ здѣшнемъ Окружномъ Судѣ послѣ полугодоваго слѣдствія, 22 января. Какъ извѣстно, въ первое время не найдено было никакихъ слѣдовъ для отысканія злодѣевъ. Затѣмъ были арестованы по нѣкоторымъ уликамъ: дворникъ дома, жена его и еще одна женщина — прачка. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было опубликовано въ газетахъ, что настоящій виновникъ найденъ: крестьянка Новгородской губерніи, Дарья Соколова. Въ особой бро-

шюръ неизвестнаго происхожденія подробно изложено было обстоятельство открытія и ея сознанія; она опоздала на поѣздъ желѣзной дороги, остановилась ночевать у прежняго хозяина и ночью порѣшила съ Ашмаренковымъ и его домашними. Впослѣдствіи Дарья Соколова отказалась отъ своего признанія; этому признанію обвинительная власть не вполнѣ довѣрила и старалась найти сообщниковъ преступленія.

Такимъ образомъ, въ судѣ явились 4 подсудимыхъ, т. е. Дарья Соколова и три вышеназаченныя лица.

Въ пятницу 24 ч. утромъ, въ 6 часовъ, присяжные, послѣ совѣщанія, длившагося 2½ часа, принесли вердиктъ, по которому дворникъ, дворничиха и прачка Карѣева вполнѣ оправданы; Дарья Соколова оправдана въ убійствѣ и обвинена, согласно своему показанію на судебномъ слѣдствіи, въ недонесеніи и въ похищеніи принадлежащихъ убитымъ вещей. Судъ приговорилъ ее къ 12 годамъ каторжной работы. И такъ является вопросъ: гдѣ же убійцы? Въ настоящемъ дѣлѣ, говоритъ *Судебный Вѣстникъ*, самый заклятый врагъ новаго суда не дерзнетъ сдѣлать укора присяжнымъ. Они относились все время къ дѣлу съ величайшимъ вниманіемъ; несмотря на двухъ-дневное утомленіе, они совѣщались два съ половиною часа; они, какъ мы слышали, три раза молились предъ произнесеніемъ вердикта; тутъ нельзя наигрывать на струнѣ политическихъ чувствъ; нельзя складывать на какіе-то эффекты защитниковъ, рѣчи которыхъ при всемъ ихъ достоинствѣ, не выходили изъ общаго уровня, по крайней мѣрѣ съ вѣншей стороны уступали рѣчи г. прокурора. Слѣдовательно, исходъ зависѣлъ прямо отъ недостатка убѣдительности въ доводахъ обвинителя.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ многихъ компетентныхъ судей, что само обвиненіе причиной такого исхода этого процесса. Вся обвинительная рѣчь была построена на совершеніи убійства нѣсколькими сговорившимися; обвинитель старательно доказывалъ, что удары наносились одновременно нѣсколькими лицами, дѣйствовавшими разными орудіями—утогами и польбомъ. Такимъ образомъ присяжные, признавая, что всѣ обвиняемые, кромѣ Дарьи Соколовой невиновны въ этомъ дѣлѣ, не могли придти къ тому заключенію, что одна Соколова убила Ашмаренкова и его домашнихъ, послѣ того, когда сама обвинительная власть это оспаривала. Другая ошибка прокурорскаго надзора заключается будто-бы въ томъ, что такъ какъ показаніе Дарьи Соколовой на судебномъ слѣдствіи окончательно противорѣчитъ тому, что удостоверяетъ полицейское слѣдствіе; обвинительная власть должна была вызвать къ судебному слѣдствію по крайней мѣрѣ человѣкъ пять, изъ тѣхъ сосѣдей Дарьи, при которыхъ, по показанію полиціи, она кажалась въ совершеніи преступленія. Между тѣмъ обвинительная власть, явившись безъ свидѣтелей этого важнаго обстоятельства, ничѣмъ не доказала дѣйствительности этого показанія; она даже этимъ доказала, что сомнѣвается въ его истинѣ.

Читатели найдутъ рисунокъ, изображающій засѣданіе по этому дѣлу. Залъ Окружнаго Суда заслуживаетъ и самъ по себѣ особеннаго вниманія въ архитектурномъ отношеніи.

Парижская конференція по поводу греко-турецкой распри.

Изъ всѣхъ дипломатическихъ собраній, когда-либо созывавшихся для рѣшенія международныхъ вопросовъ, Парижская конференція 1869 года врядъ ли не должна считаться самою неудачною. Хотя въ настоящую минуту еще неизвестны непосредственные результаты деклараціи, составленной на этомъ собраніи, тѣмъ не менѣе для каждаго уже очевидно, что декларація эта, если и приведетъ къ отсрочкѣ вооруженнаго столкновенія между Греціей и Турціей, то все-таки не уничтожитъ ни одной изъ причинъ приведшихъ къ дипломатическому разрыву между этими державами. Самое лучшее, чего можно ожидать отъ совѣщаній, происходившихъ въ отелѣ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ—это сохраненія *statu quo ante*, а кому же неизвестно каково было это *statu quo*, и къ чему оно неизбѣжно, рано или поздно, должно повести?

Ходъ совѣщаній Парижской конференціи и результаты этихъ совѣщаній уже извѣстны нашимъ читателямъ. Представляя имъ нынѣ рисунокъ изображающій одно изъ засѣданій этого событія, намъ

остается сказать нѣсколько словъ о дипломатахъ въ немъ засѣдавшихъ и объ обстановкѣ, посреди которой происходили ихъ совѣщанія.

Члены конференціи собирались въ отелѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, на набережной д'Орсэ, въ той самой осьмиугольной залѣ, въ которой происходили засѣданія Парижскаго конгресса 1856 г. Зала эта такъ и сохранила за собою названіе «Залы Конгресса». Она украшена портретами императора и императрицы, бюстомъ Наполеона I-го и картиной, изображающей засѣданіе Парижскаго конгресса 1856 года.

Членовъ Парижской конференціи было числомъ семь, такъ какъ въ ней участвовали представители Франціи, Англіи, Россіи, Австріи, Пруссіи, Греціи и Турціи. Французскимъ уполномоченнымъ былъ назначенъ министръ иностранныхъ дѣлъ, маркизъ де Лавалеттъ, зять государственнаго министра Руэра. Маркизъ служитъ по дипломатической части съ 1835 года. Онъ былъ поочередно представителемъ Франціи въ Персіи, Египтѣ, Касселѣ, Константинополѣ и Римѣ два раза. Съ 1865 по 1867 годъ онъ занималъ должность министра внутреннихъ дѣлъ, а недавно, послѣ отставки маркиза де Мутье, назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Ему 63 года отъ роду. Остальные собратія его на конференціи избрали его предсѣдателемъ всего собранія.

Уполномоченнымъ Англіи былъ назначенъ англійскій посолъ при французскомъ дворѣ, лордъ Лайонсъ. Благородный лордъ служилъ въ молодости во флотѣ, а потомъ долго занималъ дипломатическія должности въ Греціи и Испаніи. Въ 1865 г. Лайонсъ былъ назначенъ посланникомъ въ Турцію, а въ 1867 замѣнилъ лорда Коули въ Парижѣ. Лорду Лайонсу 51 годъ, съ 1858 года онъ засѣдаетъ въ палатѣ пэровъ.

Уполномоченный Россіи, генералъ отъ артиллеріи графъ Штакельбергъ состоитъ посланникомъ при Тюльерійскомъ дворѣ. На этотъ постъ онъ назначенъ въ прошломъ году, а передъ тѣмъ былъ посланникомъ въ Вѣнѣ (съ 1860 года). Графу 55 лѣтъ.

Австрію на конференціи представляетъ князь Меттернихъ, сынъ знаменитаго Меттерниха, унаслѣдовавшій отъ своего отца множество титуловъ, но весьма мало дипломатическихъ способностей. Онъ болѣе извѣстенъ по своей супругѣ, очень любимой при французскомъ дворѣ и одной изъ законодательницъ моды въ Парижѣ. Князю Меттерниху всего 40 лѣтъ отъ роду. Онъ носитъ титулы герцога Портегаллы, графа Кенигсварта. Кромѣ того онъ испанскій грандъ, камергеръ и австрійскій тайный совѣтникъ, *наслѣдственный* членъ государственнаго совѣта, кавалеръ золотого Руна и проч.

Представитель Пруссіи, графъ Сольмсъ, до назначенія своего посланникомъ въ Парижъ былъ секретаремъ прусскихъ посольствъ въ Дрезденѣ, Вѣнѣ, ГанOVERѣ и С.-Петербургѣ. Ему 44 года, но онъ очень молодожавъ.

Итальянскій уполномоченный, кавалеръ Нигра—одинъ изъ извѣстнѣйшихъ итальянскихъ дипломатовъ, ученикъ Кавура, у котораго онъ состоялъ секретаремъ, а со времени смерти знаменитаго министра, постоянно занималъ мѣсто итальянскаго посланника въ Парижѣ. Нигра 40 лѣтъ отъ роду. Онъ извѣстенъ по своимъ ученымъ трудамъ относящимся до санскритологіи.

Представитель Греціи, г. Ризасъ Рангаве, родомъ изъ Константинополя. Образованіе онъ получилъ въ Германіи и служилъ въ баварской арміи. До 1856 года, Рангаве былъ профессоромъ археологіи въ Аѳинскомъ университетѣ; въ этомъ году онъ занялъ должность министра двора и иностранныхъ дѣлъ. Съ 1866 по 1867 годъ Рангаве былъ греческимъ посланникомъ въ Вашингтонѣ. Отъ роду ему 59 лѣтъ.

Уполномоченный Турціи, Джемилъ Паша, извѣстенъ пока мѣсть только своими чисто французскими привычками и необыкновенною молчаливостью.

Сцена, изображенная на нашей гравюрѣ, представляетъ тотъ моментъ, когда г. Рангаве объявляетъ себя вынужденнымъ оставить конференцію вслѣдствіе непризнанія за Греціею одинаковыхъ правъ съ Турціею.

Мистеръ Вольтъ, алхимикъ.

(Изъ Дикенсова журнала «All the year round».)

Я, по профессіи, ходатай по дѣламъ—къ сожалѣнію, въ самомъ буквальномъ смыслѣ, потому что занятія мои почти исключительно ограничиваются ходатайство-

ваніемъ объ уплатѣ по застарѣлымъ долгамъ, отъ имени и лица кліентовъ, частныя усилія которыхъ неувѣнчались успѣхомъ. Вотъ по одному то такому дѣлу и занесло меня однажды въ Стопингтонъ, по юго-восточной желѣзной дорогѣ. Я имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлый свободный вечеръ, и, вспомнивъ, что одинъ мой школьный товарищъ, Маркъ Стедборнъ, докторъ, женился и поселился гдѣ-то по сосѣдству, я рѣшился отыскать его.

Видите вы эту высокую башню тамъ на холмѣ, какъ разъ черезъ вересковый лугъ? Это башня мистера Вольта въ Фируртѣ. Ступайте прямо туда, вы не можете сбиться съ дороги. Мистеръ Стедборнъ живетъ немножко подалеже.

Я остался весьма доволенъ прогулкою хорошимъ зимнимъ вечеромъ по широкимъ лугамъ. Дождь шелъ весь день, но пересталъ при захожденіи солнца, извѣзды такъ сверкали, какъ будто ихъ вымыло дождемъ.

Невдалекѣ отъ башни я встрѣтилъ Марка—онъ шелъ куда-то съ озабоченнымъ видомъ, скорыми шагами. Я легко могъ бы пройти мимо, не узнавъ его,—такъ поблѣднѣлъ, исхудалъ онъ, и такъ ввалился у него глаза, но онъ меня немедленно узналъ.

— Слушай, старина, сказалъ онъ мнѣ:—ты, разумѣется, отбужинаешь со мною, и, разумѣется, найдется для тебя постель. Но теперь мнѣ нужно отправляться посмотрѣть больнаго, миляхъ въ двухъ отсюда, и не могу сказать въ точности, въ который именно часъ я возвращусь отъ него. Я тебѣ скажу, что ты можешь дѣлать до моего прихода. Вотъ тебѣ моя карточка—ступай къ мистеру Вольту, туда въ башню. Онъ всегда въ восторгѣ, когда къ нему заходитъ посѣтитель, и это такой человѣкъ, съ какими не каждый день встрѣчаешься.

— Да, но кто и что такое мистеръ Вольтъ?

— Что онъ такое? Да все, что угодно. Прежде всего великій химикъ, вѣрующій въ алхимию. Да ступай ты просто къ нему и самъ посмотри. Я приду за тобой, какъ только управлюсь.

Онъ пожалъ мнѣ руку и пошелъ своей дорогой.

Башня возвышается на большомъ, покрытомъ верескомъ, холмѣ, на которомъ двѣ основныя рощи, одна побольше, другая поменьше. Тутъ же стояло нѣсколько хижинъ—это и было Фируртѣ. По самой срединѣ меньшей рощи, въ самомъ центрѣ возвышенности, стоялъ высокая кирпичная башня, пошире въ основаніи и поуже къверху, съ возвышающейся надъ ней большой деревянной обсерваторіей, вершина которой футами въ девяностю отъ земли. На стѣнахъ строенія выведены изъ темнаго кирпича разныя мудренныя мистическія фигуры, передъ дверями, на открытомъ мѣстѣ, стоятъ солнечныя часы съ такими же загадочными фигурами, а по бокамъ часовъ—два огромныхъ дупловатыхъ пня, иссохшіе старые, которые причудливо рисовались на темномъ фонѣ вечернихъ сумерекъ. Когда я дернулъ кольцо, которымъ оканчивалась цѣпь, висѣвшая у громадной дубовой двери, мнѣ показалось, что звонъ, могучій, глубокій, никогда не прекратится. Его подхватило глухое эхо и понесло въ верхніе этажи зданія. Я слышалъ, какъ звуки гуляли по башнѣ, дошли до обсерваторіи и оттуда уже разнеслись по тихому ночному воздуху.

Дверь открылъ мнѣ человѣкъ, которому можно было бы дать какіе угодно года отъ 40 и до 70 лѣтъ; это былъ или старообразный молодой человѣкъ, или молодожавый старикъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ лампочку, которую прикрывалъ другою. Я замѣтилъ, что у него густые, но не расчесанные, сбившіеся, волосы, съ сильной просѣдью и такая же борода—что лицо у него доброе и умное, хотя полное и гладкое, что его каріе глубокіе, задумчивые глаза горѣли какимъ-то страннымъ, тусклымъ, сосредоточеннымъ блескомъ, который заставилъ меня заподозрить его въ неумѣренномъ употребленіи опиума. Платье на немъ было неряшливое, мѣшковатое и старомодное.

Извинившись въ своемъ непрошенномъ появленіи, я отрекомендовалъ себя, какъ пріятели мистера Стедборна и представилъ его карточку.

— Мнѣ не нужно рекомендацій, спокойно отвѣчалъ мистеръ Вольтъ: я живу здѣсь совершенно одинъ и всегда радъ собрату. Вы, конечно, ученый—иначе не приняли бы сюда. Войдите.

Мы прошли черезъ нѣсколько обширныхъ комнатъ, съ голыми стѣнами, но наполненныхъ старинными изваяніями, старинными картинами, старинными книгами и разными инструментами, наваленными кучей безъ малѣйшаго порядка, покрытыми пылью и паутиной. Наконецъ онъ меня велъ въ большую лабораторію, биткомъ набитую во всевозможные стеклянные и бутылками съ химическими растворами, ретортами, колбами, бумагами, опять таки старыми книгами и картинами, да странными инструментами—однимъ словомъ, всякимъ

Дженал-Паша.

Лорд Лайонс.

Кн. Меттернихъ.

Кав. Нигра.

Графъ Солмсъ.

Засѣданіе парижской конференціи.

Гр. Штакельбергъ.

Маркизъ Лавалеттѣ.

Г. Рангабе.

—турецкой распрѣ.

ученым хламомъ. На одномъ концѣ комнаты стояла маленькая печь, а подлѣ нея—кубъ.

— Вы сами видите, какого рода мои занятія, началъ мистеръ Вольтъ, попросивъ меня сѣсть на старомодный стулъ, съ высочайшей прямой спинкой. Я посвящаю все мое время химическимъ изслѣдованіямъ. Это—широкое поле, сэръ—широкое поле! Правда, мы, изслѣдователи, не нашли ни философскаго камня, ни жизненнаго элексира, но, ища ихъ и проходя для этого всеми гипотезами химіи, мы открыли тайну пара, газа и электричества. Полезно все еще стремиться къ стародавнимъ цѣлямъ алхимиковъ, тѣмъ болѣе, кажется мнѣ, если цѣли эти никогда не будутъ достигнуты, потому что это поощряетъ къ изслѣдованію. Лишь только мы перестанемъ мечтать о неоткрытыхъ еще чудесахъ, мы перестанемъ дѣлать изслѣдованія.

— Долженъ ли я заключить изъ вашихъ словъ, спросилъ я:—что вы сами обогатили науку какимъ-нибудь важнымъ открытіемъ?

— Не знаю, какъ вамъ сказать, возразилъ мистеръ Вольтъ съ нѣкоторой запинкой:—боюсь я, что открытіе мое слишкомъ опередило вѣкъ.

Глаза старика усталились на меня съ какой то особенной полнотой выраженія и зрачки его расширились.

— Вы вѣроятно скептически отнесетесь къ словамъ моимъ, если я скажу вамъ, что я открылъ одинъ растворъ, посредствомъ котораго можно разложить существо, именуемое человѣкомъ, на его первобытныя начала: духъ и плоть; духъ можно пустить странствовать по всей вселенной, освободивъ его отъ грубой оболочки плотской оболочки его.

— Т. е. какъ же это? Неужели вы хотите сказать, что вы, по желанію, можете выйти изъ собственнаго тѣла? спросилъ я, усомнясь въ здравости разсудка мистера Вольта.

— Именно это, отвѣчалъ онъ съ величайшей невозмутительностью:—Во всякомъ случаѣ, не меньше: а можетъ быть, и больше.

— Мнѣ, кажется, гораздо легче выйти изъ ума, замѣтилъ я.

— Шутка—плохое опроверженіе факта, доказаннаго опытомъ, возразилъ онъ. Однако я приму самое ваше возраженіе и докажу вамъ, что оно служитъ подтвержденіемъ того, что я говорю. Если такъ легко, какъ вы воображаете, выйти изъ ума (выраженіе, содержащее, по моимъ понятіямъ, противорѣчіе, потому что умъ, или духъ, я считаю за самаго человѣка), то не гораздо ли легче представить себѣ, что можно выйти изъ своего тѣла, которое, какъ мнѣ кажется, есть только оболочка—такъ сказать, *вѣщная идея* человѣка, если понять это греческое слово въ его первоначальномъ значеніи—представленіе, изображеніе. Вотъ я, наприимѣръ, много путешествовалъ, хотя моя «вѣщная идея» нѣсколько лѣтъ уже сидитъ безвыѣздно въ Фируортѣ. Я изслѣдовалъ среднюю Африку гораздо раньше Ливингстона; мнѣ хорошо знакома вся Абиссинія, я изучилъ всю Японскую территорию. Не во снѣ-ли, говорите вы? Странное дѣло—все издатели говорятъ тоже самое. Хотя я написалъ цѣлыя книги о моихъ путешествіяхъ, ни одинъ не берется печатать ихъ, единственно на томъ основаніи, что я не былъ на столько глупъ, чтобы тратить понапрасну время и подвергать жизнь свою опасности, совершая длинныя путешествія моремъ, тогда какъ я имѣлъ возможность путешествовать гораздо быстрее другимъ способомъ. Первый шагъ къ моему великому открытію я сдѣлалъ случайно, продолжалъ мистеръ Вольтъ такимъ тономъ, который убѣдилъ меня, что разсуждать съ нимъ и думать нечего:—пріятель вашъ, Маркъ Стедборнъ, который иногда занимается вмѣстѣ со мною химическими опытами, однажды, по моимъ наставленіямъ, соединялъ масляный газъ съ однимъ особеннымъ манеромъ, такъ, чтобы произвести паръ іодистаго эфира высокой температуры, для опытовъ. Когда составъ нагрѣлся до трехсотъ восьмидесяти градусоу, изъ тигеля поднялся паръ блѣдно-фіолетоваго цвѣта съ пронизательнымъ эфирнымъ запахомъ и сталъ распространяться по комнатѣ легкими волнообразными облачками. Въ эту минуту я вспомнилъ, что забылъ одно весьма важное наставленіе, но боялся заговорить съ нимъ, потому что процессъ, которымъ онъ занимался, требовалъ такого исключительнаго вниманія и акуратности въ исполненіи, что, беспокоивъ его хотя однимъ словомъ, я бы поставилъ его въ необходимость начать весь процессъ съизнова. Въ эту минуту, я сильно пожелалъ, чтобы онъ взялъ съ полки подлѣ себя одну книгу и прочелъ бы параграфъ 217, такъ какъ онъ нашолъ бы въ этомъ параграфѣ опущенное мною наставленіе. Онъ стоялъ ко мнѣ спиной, но вдругъ, смотрю—снимаетъ съ полки ту самую книгу и раскрываетъ ее на томъ самомъ мѣстѣ. По успѣшномъ окончаніи опыта, я спросилъ, что побудило его достать именно эту книгу. Онъ отвѣчалъ мнѣ:

«Я чувствовалъ, что вы желали этого.» Поразмысливъ объ этомъ обстоятельстве, я убѣдился, что я, самъ того не зная, накрылъ такъ сказать, его духъ моимъ,—перенесъ духъ на него, и я имѣлъ причины полагать, что блѣдно-фіолетовый паръ значительно способствовалъ къ этому процессу, который, при другихъ обстоятельствахъ, совершился бы далеко не съ такой легкостью. Тутъ я принялся за цѣлый рядъ опытовъ, съ цѣлью удостовѣриться, до какой степени можно довести это перенесеніе своего духа за предѣлы тѣла. Я убѣдился, что необходимо прежде всего на столько очистить тѣло, разумѣется, посредствомъ расслабляющей растительной пищи и, въ заключеніе, полного поста втеченіе сутокъ, чтобы духъ удалился изъ своихъ аванпостовъ и постепенно отрѣшился отъ своей вѣшней оболочки, или идеи, всѣ части которой должны быть приведены въ работное подчиненіе волѣ. Затѣмъ, я вдыхаю въ себя, втеченіе пятнадцати минутъ, блѣдно-фіолетовый паръ, принимаю внутрь небольшое количество известнаго состава, вотъ изъ этой коробочки, послѣ чего уже могу выгнать духъ изъ тѣла моего и спустить его въ чистѣйшую эссенцію, точь вточь, какъ мы гонимъ спиртъ изъ любого вещества *). Такимъ образомъ я добываю чистую *квинтэссенцію духа*. Въ этомъ состояніи мнѣ непочемъ путешествовать—не помню моей воли, какъ это бываетъ во снѣ, а сознательно, съ полнымъ подчиненіемъ волѣ—или перенести духъ мой на другаго человѣка, жить въ немъ известное время и управлять имъ, между тѣмъ какъ тѣло мое кажется спящимъ.

— Можно спросить, изъ чего состоитъ этотъ составъ, сказалъ я, съ худо скрываеомъ скептицизмомъ?

Мистеръ Вольтъ подаль мнѣ небольшую черепаховую коробочку, въ которой лежало какое то тѣсто тускло-зеленоватаго цвѣта.

— Это настоящій *хашишъ*, пояснилъ онъ; въ него входитъ множество веществъ, но главныя изъ нихъ—индѣйская конопля и одинъ въ высшей степени летучій препаратъ изъ опиума.

— А паръ то изъ чего?

— Позвольте—это ужъ мой секретъ. Но, продолжалъ онъ, понижая голосъ почти до шепота:—я замышляю опытъ перенесенія духа въ гораздо болѣешихъ размѣрахъ, нежели въ какихъ производилъ его до сихъ поръ. Я предлагаю Марку Стедборну проивести эту операцію одновременно со мною—такъ, чтобы каждый изъ насъ переносилъ духъ свой на другаго, до тѣхъ поръ, пока мы буквально не помѣняемся съ нимъ идеями—т. е. вѣшними или, пожалуй, тѣлами.

— Чтось, мистеръ Стедборнъ согласился участвовать въ этомъ опытѣ? спросилъ я.

— Согласился—и мы намѣрены приступить къ нему въ самомъ скоромъ времени. Я впрочемъ не скрываю отъ себя, что подобный опытъ сопряженъ съ нѣкоторымъ рискомъ, такъ какъ мы легко можемъ черезчуръ усилить пріемъ хашишу. Не имѣя близкихъ родныхъ, я поэтому рѣшился завѣщать все мое имущество Марку Стедборну прежде, чѣмъ мы примемся за опытъ, а для предотвращения, въ случаѣ моей смерти, всякой возни, отъ глупости невѣждъ, которые могли бы приписать ее убійству или самоубійству—а это можетъ выйти очень похоже на те—я сдѣлаю не завѣщаніе, а просто безусловную дарственную запись. Если вы согласитесь подписаться подъ этимъ документомъ, въ качествѣ свидѣтеля, въ меня много обяжете.

Въ эту самую минуту зазвонилъ колоколь, и вошелъ Маркъ. Приходъ его доставилъ мнѣ несказанное облегченіе.

— Ну что, спросилъ онъ:—разсказывалъ тебѣ мистеръ Вольтъ о своемъ великомъ открытіи?

— Какъ же, разсказывалъ, отвѣчалъ я.

— Что жъ ты о немъ думаешь?

— Право не знаю, что и думать, возразилъ я, приподнявъ брови, чтобы дать ему понять, что затрудняюсь говорить въ присутствіи мистера Вольта.

— Вотъ видите ли, обратился Маркъ къ хозяину:—пріятель мой не въ состояніи сразу осмыслить такую великую новую истину. Когда онъ провѣритъ ее опытами, онъ станетъ умнѣе.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, снисходительно согласился мистеръ Вольтъ.

Неужели и Маркъ вѣритъ? или они оба сумасшедшіе? Глядя на нихъ на двоихъ—на мистера Вольта, полнаго, съ круглымъ лицомъ, на Марка, тощаго, худощаваго, мнѣ вдругъ представилось, что мистеръ Вольтъ, словно вампиръ, высосалъ жизнь и здоровье изъ моего това-

рища, заманивая его въ область отвлеченной, мечтательной науки.

— Вотъ это хашишъ, сказалъ Маркъ, опять подавая мнѣ коробку:—дать ему попробовать что ли, мистеръ Вольтъ?

— Пожалуй, если хочетъ. Только дѣйствіе одного, хашиша безъ предварительнаго подготовленія тѣла и безъ содѣйствія фіолетоваго пара, будетъ недостаточно сильно.

Я просилъ уволить меня отъ подобнаго опыта.

— Нѣтъ, попробуй, настаивалъ Маркъ:—даю тебѣ честное слово, какъ врачъ и какъ другъ твой, что я самъ его принималъ, и что дурныхъ послѣдствій не будетъ никакихъ. Ручаюсь тебѣ, что ты останешься подлѣ его вліяніемъ не болѣе десяти минутъ. Прими столько, сколько дастъ тебѣ мистеръ Вольтъ. Теперь безъ десяти минутъ 9 часовъ, ровно въ 9 мы вмѣстѣ отсюда выйдемъ.

Я согласился. Мистеръ Вольтъ досталъ крошечную ложечку и отдѣлилъ ею кусочекъ хашишу, величиною съ орѣхъ.

— Слушайте же, сказалъ онъ:—пока вы будете находиться подлѣ вліяніемъ этого вещества, съ вами будутъ происходить особеннаго рода явленія. Рѣшайте же—желаете ли вы, чтобы то, что вы будете испытывать, было дѣйствительно или только идеально—дѣйствительно въ смыслѣ послѣдованія связанныхъ представлений, независимыхъ отъ вашей воли (на столько то, я думаю, что буду въ состояніи перенести въ васъ мой духъ)—идеально, въ смыслѣ послѣдованія представлений, управляемыхъ вашей собственной волей.

Я отвѣчалъ, что такъ какъ имѣю во всякое время возможность вызывать въ умѣ моемъ представленія, управляемые моей собственной волей, то на этотъ разъ предпочту подчиняться его волѣ.

Посадивъ меня на диванъ, онъ мнѣ далъ принять ложечку хашишу, въ тоже время пристально глядя мнѣ въ глаза.

Я почувствовалъ, что мнѣ отъ взгляда его больно гдѣ то въ головѣ—самъ хорошенько не знаю, гдѣ именно; я сталъ сморгать на его ноги, и мнѣ показалось, что онѣ растутъ, длиннѣютъ, начинаютъ извиваться какъ-то зигзагами, наконецъ брыкаться въ потолокъ, и передъ моими глазами опустилась какая то туманная завѣса въ родѣ мелкой измороси. Мнѣ казалось, что я самъ вырастаю изъ-подъ этой завѣсы, прорываю ее, смотрю на синее ночное небо, на сверкающія звѣзды и наконецъ очутился совсѣмъ близко отъ нихъ. Онѣ приняли размѣры огромныхъ блестящихъ планетъ или луиъ, я слышалъ трескъ и шумъ, съ которымъ онѣ катили мимо меня, пока онѣ, удаляясь, становились меньше и меньше и опять превращались въ сверкающія звѣздочки. Тогда я поглядѣлъ внизъ; смотрю—земля лежитъ подо мною, словно разостланный черный коверъ, и отъ нея поднимаются двѣ звуковыя массы, словно звуки огромнаго органа: одна нота жесткая, крикливая, рѣжущая ухо, поднималась отъ городовъ, мерцавшихъ въ пространствѣ, словно массы тусклаго огня и темнаго дыма—то былъ голосъ мірской суеты и тревоги; другая нота была подобно тихому шелесту лѣса, возносимому ночнымъ вѣтромъ. Тутъ я почувствовалъ нѣчто въ родѣ судороги, мнѣ стаяло грудь, я понемногу очунулся и увидѣлъ передъ собой Марка и мистера Вольта. Маркъ меня увелъ къ себѣ; я съ нимъ поужиналъ, потомъ легъ въ постель, превосходно выспался и на слѣдующее утро возвратился въ Лондонъ, и снова зажилъ своей прежней рутинной жизнью.

Не могу въ точности сказать, сколько именно прошло времени послѣ этого происшествія, но, на сколько мнѣ припоминается, прошло что то около двухъ мѣсяцевъ, когда я получилъ отъ Марка письмо съ увѣдомленіемъ о смерти мистера Вольта. Въ этомъ письмѣ онъ сообщалъ мнѣ, что чудакъ, во время опыта обѣи на тѣлѣ, о которомъ онъ мнѣ говорилъ, по ошибкѣ принялъ лишнюю порцію хашишу и поплатился за это жизнью.

Я тотчасъ же покати въ Фируортъ. Первое, что поразило меня, была перемена, происшедшая въ наружности Марка. Онъ сталъ такой толстый, полный, кожа на немъ точно натянулась—онъ, повидимому, удивительно поправился въ эти нѣсколько недѣль. Еще одно обстоятельство показалось мнѣ страннымъ и даже покоробило меня: Маркъ какъ то особенно хлопоталъ убѣдить меня, что мистеръ Вольтъ въ самомъ дѣлѣ скончался, а не въ летаргій, произведенной хашишемъ. Какъ я ни отговаривался, онъ заставилъ меня идти вмѣстѣ съ нимъ осматривать тѣло покойнаго, чтобы я вполнѣ убѣдился въ его смерти. Въ томъ, что мистеръ Вольтъ дѣйствительно умеръ, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, точно также какъ не подлежало сомнѣнію, что онъ скончался отъ излишняго

*) Къ сожалѣнію невозможно передать по русски игру словъ *spirit*, это слово по англійски означаетъ и *духъ* и *спиртъ*, по этому употребляется безразлично во всемъ разказѣ; это придаетъ ему удивительный юморъ и много краситъ его.

приема хашиша: отъ тѣла такъ и разлило опіумомъ. Известное дѣло, что опіумъ имѣетъ свойство немедленно разойтись по всему организму, даже будучи принятъ въ размѣрахъ, ведущихъ къ отравленію, такъ что почти невозможно доказать присутствія его въ тѣлѣ, и потому мнѣ по этому заняху ясно стало, что мистера Вольта убилъ на повалъ колоссальный приемъ опіума. Такъ какъ онъ былъ очень хорошимъ химикомъ, то трудно было предположить, чтобы онъ принялъ такую порцію, не понимая опасности, если только онъ былъ въ своемъ умѣ. Слѣдовательно, оставалось одно изъ двухъ предположеній: либо онъ совершилъ самоубійство, въ здоровомъ умѣ или въ припадкѣ умопомѣшательства, либо его умышленно опіумомъ другое лицо. Вспоминая очевидное желаніе Марка убѣдить меня, что мистеръ Вольтъ дѣйствительно умеръ, вспоминая съ другой стороны, какъ онъ заинтересованъ въ его смерти и, наконецъ, припоминая странную переѣмку въ наружности, манерахъ, и образѣ мыслей моего пріятеля, я на минуту возмѣлъ подозрѣніе на него. По его рассказамъ, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: одуренный фіолетовымъ паромъ, мистеръ Вольтъ, по опіибкѣ, вмѣсто зеленого тѣста, принялъ такую же порцію чистаго экстракта опіума, а Маркъ, хотя и сознавалъ это, но, будучи самъ отчасти одуренъ хашишемъ, не въ состояніи былъ на столько собраться съ мыслями и силами, чтобы помѣшать ему или помочь и спасти его жизнь. На слѣдствіи Маркъ однако не упомянулъ объ этомъ опытѣ, а только показалъ, что покойникъ имѣлъ привычку употреблять въ излеществѣ наркотическія вещества, и умеръ отъ чрезмѣрной порціи опіума, принятаго въ припадкѣ временнаго умопомѣшательства. Присяжные, все мѣстные поселяне, расходясь, говорили, что «они такъ и знали, что старикъ Вольтъ когда нибудь случайно отравитъ себя—и вотъ онъ взялъ, да и отравился взаправду».

Нѣсколько дней послѣ похоронъ, въ послѣобѣденное время, пока Маркъ отправился къ тому же больному, какъ и въ первый мой прѣздъ я вздумалъ пойти отъ него дѣлать въ баню и осматрѣть довольно любопытный хламъ, оставленный мистеромъ Вольтомъ. Я попросилъ ключъ у жены Марка, отомкнулъ тяжелую дубовую дверь и пробрался въ лабораторію. Ничего, повидимому, не было тронута послѣ смерти прежняго хозяина; все было въ томъ же безпорядкѣ, какъ и при немъ; тѣ же книги, рукописи, реторты, колбы, бутылки, инструменты валялись по всей комнатѣ. Я снялъ съ одной изъ полокъ большую рукописную книгу и, убѣдившись, что это — описаніе одного изъ фантастическихъ путешествій мистера Вольта по сѣверной Азии, я сдулъ съ нея пыль и началъ читать. Только что я кончилъ первую главу, слышу — умоляющій голосъ зоветъ меня по имени.

— Томъ!

Я посмотрѣлъ кругомъ, но никого не видѣлъ. Минуту спустя голосъ опять позвалъ меня еще жалобнѣе: «Томъ! Я не могъ ошибиться—это былъ голосъ, Марка Стедборна».

— Томъ, да слушай же!

Мнѣ показалось, что голосъ раздается съ другаго конца лабораторіи. Я рѣшилъ, что Маркъ подъ окномъ и оттуда зоветъ меня.

— Гдѣ ты? крикнулъ я, и подошелъ къ окну.

— Я здѣсь, тихонько отвѣтилъ голосъ, но какъ слышно было, въ самой комнатѣ, а не снаружи. Онъ какъ будто раздавался съ одной изъ полокъ, подлѣ меня только повыше. Я приставилъ легонькую лѣстницу, всегда находившуюся въ лабораторіи и принялъ осматривать полки одну за другой, рѣшившись разъяснить эту галлюцинацію, такъ какъ мнѣ рѣшительно не вѣрилось, что бы это была дѣйствительность. На полкахъ я нашелъ большое множество книгъ, бумагъ и стьянокъ, покрытыхъ густымъ слоемъ пыли. Пробѣгая глазами весь рядъ стьянокъ, меня поразила одна, очень маленькая, на которой было меньше пыли, чѣмъ на другихъ, съ рлькомъ и надписью мелкими буквами, очевидно написанной позже, чѣмъ надписи на другихъ ярлыкахъ, потому что чернила на этой стьянкѣ были черныя, а на другихъ сдныли отъ времени. Я прочелъ слѣдующее:

Маркъ Стедборнъ.

Закупоренъ 4 февраля 1857 г.

Число какъ разъ совпадало съ днемъ смерти мистера Вольта. Я хотѣлъ взять стьяночку въ руки, чтобы по ближе рассмотреть ее, но голосъ, исходившій, какъ мнѣ показалось, изъ самой стьянки, опять заговорилъ:

— Погнше бери; пожалуйста, Томъ, не болтай — вѣдь это я.

Голосъ Марка, да и только!

— Это ты? переспросилъ я.

— Да это — чистый экстрактъ духа, который этотъ старый мошенникъ Вольтъ выгналъ изъ моего тѣла въ видѣ летучаго спирта. Конечно глупо было съ моей стороны, что я позволилъ ему дѣлать надомной опытъ, но я никакъ не думалъ, что ему удастся. Да Томъ, это я—въ жидкомъ видѣ.

(Окончаніе будетъ).

УСПѢХИ ЦИВИЛИЗАЦИИ И НАУКЪ.

Желѣзные дороги.

— Инженеръ Фель предложилъ швейцарскому союзу примѣнить свою систему устройства желѣзныхъ дорогъ для трехъ альпійскихъ проходовъ: для Симплона, Сен-Готарда и Лукмонья. Смету постройки первой дороги, онъ оцѣниваетъ отъ 11 до 12 милліоновъ, для второй — отъ 13 до 14 милліоновъ, а для третьей — отъ 15—18 милліоновъ франковъ. Условіемъ этого предпріятія онъ ставитъ ежегодную гарантію въ 600,000 франковъ.

— Число локомотивовъ двѣнадцати главныхъ англійскихъ желѣзно-дорожныхъ компаній къ концу 1867 года было 6,595; каждый изъ нихъ стоитъ 2,500 ф. стерлинговъ, а всѣ вмѣстѣ — 16,487,500 ф. с., т. е. около 112,000,000 руб. сер.

— Индійскія желѣзныя дороги принуждены бываютъ бороться съ необыкновенными препятствіями. У насъ въ Европѣ нѣрдко случается, что корова, лошадь или овца и т. п. забредетъ на рельсы, но это не заставляеть поезда соскакивать съ рельсовъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Остѣ Индіи, у прохода Саибъ, погибъ товарный поездъ вслѣдствіе того, что проходившій слонъ остановился на рельсовомъ пути. Конечно животное было убито налетѣвшимъ на него поездомъ, но и поездъ соскочилъ съ рельсовъ; локомотивъ съ двѣнадцатью вагонами уналъ съ насыпи и разбился въ дребезги.

Строительное дѣло.

— Въ Парижѣ, какъ говорить, въ скоромъ времени будетъ выставлена модель моста для желѣзной дороги, для международнаго сообщенія черезъ Ла-Маншь. Проектъ этого моста составленъ французскимъ инженеромъ Буте.

— Французская коммисія, учрежденная для изученія вопроса о прорытіи туннеля между Англійей и Франціей получила уже отъ англійскихъ инженеровъ свѣдѣнія о первыхъ геологическихъ работахъ на счетъ свойствъ почвы, покрытой водами пролива. Вопросъ о туннелѣ скоро будетъ рѣшонъ положительно, или отрицательно.

Работы по прорытію горы Сенисъ находились къ новому году въ слѣдующемъ состояніи: прорыто 9.166 метровъ остается прорыть 3.053 метра. Рассчитываютъ, что черезъ два года и четыре мѣсяца рабочіе, подвигаются съ обѣихъ сторонъ, встрѣтятся въ серединѣ туннеля. Тогда въ Туринѣ будетъ устроена большая международная выставка.

Торговля и промышленность.

— Не смотря на то, что въ продолженіи послѣдняго года въ Америкѣ было открыто до 2,000 источниковъ каменнаго масла, ежегодно добываемое количество этого продукта оказывается недостаточнымъ въ сравненіи съ количествомъ его потребленія. Рассчитано, что въ день добывается 10,133 бочекъ горнаго масла, а потребляется въ Европѣ и Америкѣ 13,000 бочекъ. Множество источниковъ далеко не доставляютъ уже того количества, которое они доставляли сначала

✓ — Правительство аргентинской республики, въ силу закона 26 августа (7 ноября) прошлаго года, назначило премію въ 40,000 франковъ тому, кто найдетъ способъ сохранять говядину въ свѣжемъ состояніи и сдѣлать ее годною для путешествій въ отдаленныя страны, черезъ тропики.

— Изысканія, произведенныя въ Швеци надъ находженіемъ горнаго масла (петролеума) удались. 7 (19) декабря прошлаго года, около ретвика, въ Дилекарли, найденъ источникъ на глубинѣ 436 футовъ. Въ Бадѣ два другихъ найденныхъ источника, подають надежду на хорошій промыселъ.

— Ежегодный сборъ оливковаго масла въ Итали, въ которой добываніе масла составляетъ главный промыселъ, доходитъ до полутора милліона гектолитровъ, т. е. около 12,205,000 ведеръ, цѣнность которыхъ равняется 200,000,000 франковъ. Количество масла, потребляемаго въ самой Итали такъ велико, что вывозъ масла производится ежегодно только на 70,000,000 франковъ.

— Коралловымъ промысломъ въ Итали занимается отъ 300 до 400 лодокъ съ 2,500 мальчиками и мужчинами; большая часть, добываемыхъ коралловъ, вывозится изъ Неаполя, Ливорно и Генуи.

— Около Зегеберга въ Гольштиніи, 3 (15) января, открыты значительныя соляныя копи.

Метеорологія.

— Необыкновенно умѣренная зима нынѣшняго года, не есть исключительное явленіе; его можно скорѣе назвать періодическимъ. Такъ въ 1172 году птицы выводили птенцовъ уже въ февралѣ мѣсяцѣ; 1289 году, какъ говорятъ лѣтописцы, былъ совсѣмъ безъ зимы; въ 1421 г. деревья цвѣли уже въ мартѣ мѣсяцѣ, а виноградъ въ апрѣлѣ, въ этомъ же мѣсяцѣ созрѣвали уже вишни, а въ маѣ—виноградъ. Въ 1538 году всѣ сады въ Европѣ были покрыты цвѣтами въ январѣ мѣсяцѣ; 1572 было совершеннымъ повтореніемъ 1172 г. Наконецъ года: 1607, 1612, 1617, 1659, 1692, 1791, 1807 и 1822 отличались также чрезвычайно теплою зимою.

Отчего нынѣшняя зима такъ тепла? — Г. Амедей Гильменъ (Guillemin) обращаетъ вниманіе на отношеніе, существующее между направленіями вѣтра и температурой. Массы теплаго и сыраго воздуха, ишеть онъ, приходятъ къ намъ при западномъ и юго-западномъ вѣтрѣ; эти массы слѣдовательно достигаютъ материка, будучи снабжены, вслѣдствіе прохожденія надъ водами Атлантическаго океана, продуктами испаренія и скопивъ въ тоже время огромное количество теплоты. Вслѣдствіе осадка въ формѣ пузырьковъ— что обуславливается болѣе холодной поверхностью материка—образуются облака, и значительная часть теплоты испаренія, сдѣлавшись свободной, способствуетъ возвышенію температуры. Легко понять, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть холодовъ. Во первыхъ, постоянное присутствіе густого слоя облаковъ составляетъ препятствіе для пониженія температуры: облака образуютъ ширму между землей и небесными пространствами, и лучениспусканіе идетъ труднѣе еще оттого, что водяныя пары, какъ известно, поглощаютъ темную теплоту (исходящую отъ земли), не препятствуя прохожденію свѣтлой теплоты (исходящей отъ солнца). Словомъ, облака образуютъ нѣкотораго рода покровъ, одѣяло, которое пресѣкаетъ путь и отражаетъ обратно къ землѣ теплоту, лучениспускаемую почвой въ продолженіи ночи. Вѣтеръ служитъ также препятствіемъ для ночнаго испусканія. Точно также, если небо мгновенно просвѣтлѣетъ, если вѣтеръ утихнетъ, то почти тотчасъ-же это обнаруживается значительнымъ охлажденіемъ, слѣдствіемъ котораго являются утренники.

Такимъ образомъ, можно связать известное число метеорологическихъ фактовъ такимъ образомъ, что они могутъ получить рациональное объясненіе, то есть подвести ихъ подъ известныя физическія законы. Но при всемъ этомъ, мы незнаемъ фактовъ болѣе отдаленныхъ, причинъ болѣе далекихъ: напр., въ занимающемся іъ явленіи, мы не можемъ сказать, почему въ нынѣшнемъ году болѣе вихрей въ Западной Европѣ, чѣмъ въ прошломъ; причина ихъ слѣдовательнаго хода, намъ совершенно неизвѣстна, и такъ какъ они, очевидно, связаны съ предшествующими метеорологическими фактами, имѣвшими мѣсто въ другихъ странахъ, то хотя задачу рѣшить и не легко, можно по крайней мѣрѣ указать на ея сложность.

Палеонтологія.

Палеонтологія. На послѣднемъ собраніи лондонскаго патологическаго общества, г. Бушъ (Busch) показалъ нѣсколько образцовъ патологическихъ ископаемыхъ, а именно: кость носорога, который страдалъ при жизни ревматизмомъ; зажившій полломъ кости пещернаго медвѣдя (ursus spelaeus), который вѣроятно сломалъ себѣ кость до зимней спячки (это доказывается тѣмъ, что полломъ зажилъ); и наконецъ тазъ самки того-же медвѣдя, страдавшей костяной опухолью.

— Въ Гегенасѣ, въ Скандинавіи, найдены скелеты первичныхъ обитателей этой страны. Они лежали въ раковинномъ словѣ, въ настоящее время около ста футовъ возвышающемся надъ морскимъ уровнемъ. Судя по положенію скелетовъ, люди эти погибли въ то время, когда теперешняя твердая земля была еще подъ водою. Часть раковинной мели образовалась надъ ними. Люди эти были очень высокаго роста; по черепамъ они принадлежали къ длинноголовымъ; ихъ черепъ отличается совершенно отъ череповъ скандинавской расы.

Статистика.

— Недавно вычислили, что среднимъ числомъ, въ Англии каждый житель истребляетъ въ день 8 зажигательныхъ свичекъ, во франціи — 6, въ Бельгій 9. Притомъ, если взять самое меньшее отъ трехъ вышеприведенныхъ за среднее число свичекъ, потребляемыхъ ежедневно каждымъ изъ жителей Европы, то ежедневное потребленіе свичекъ въ Европѣ представитъ цифру въ 2 милліарда; это количество свичекъ всѣмъ по меньшей мѣрѣ 400,000 фунтовъ. Такимъ образомъ, на свички ежегодно истребляется до 145,000,000 фун. дерева. Кубическій футъ самаго легкаго дерева, употребляемаго для свичекъ (осина или тополь), вѣситъ не болѣе 15 фунтовъ; поэтому въ одной Европѣ ежегодно истребляется въ формѣ свичекъ до 10,000,000 куб. футовъ или 21,000 куб. сажень дерева. Вмѣстѣ съ этимъ количествомъ дерева въ формѣ свичекъ, потребляется еще ежегодно до 420,000 фунтовъ фосфора.

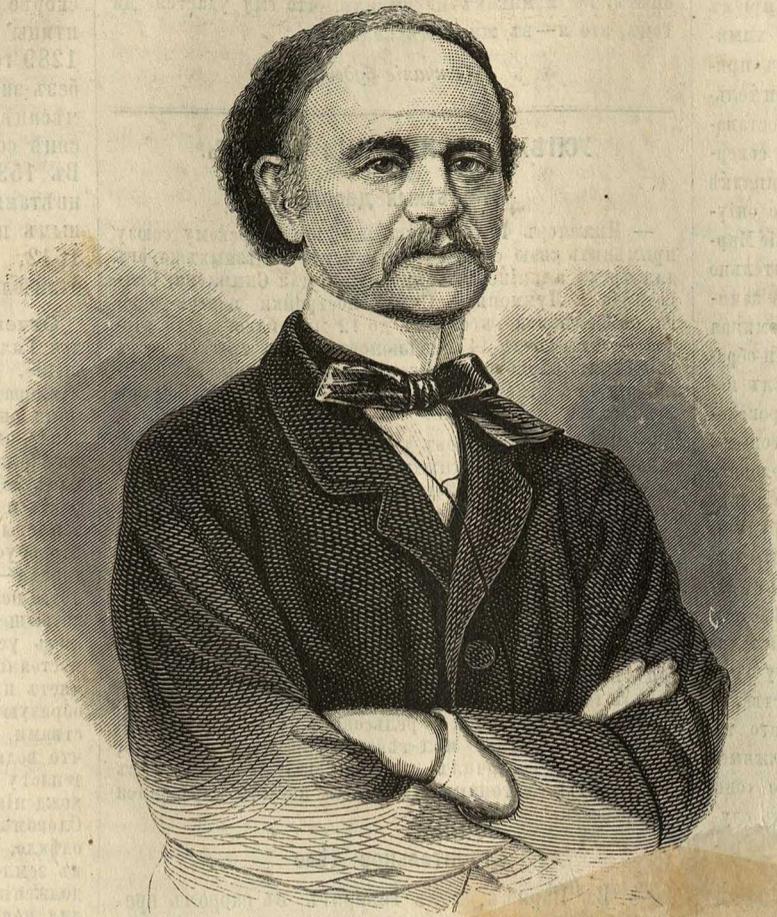
— Въ Берлинѣ 4 года назадъ, считалось 7000 собакъ; теперь число это возрасло до 10.950. Такое увеличеніе числа собакъ произошло, не смотря на ежегодную пошлину въ 3 талера съ животнаго и издержки на покупку намордника, безъ котораго на улицѣ нельзя выпустить собаки. Въ числѣ собакъ 2600 полезныхъ животныхъ, которыя возятъ тележки торговковъ.

Къ портрету А. С. Даргомыжскаго.

Жизнь замѣчательнаго дѣятеля на всякомъ поприщѣ даетъ поводъ къ размышленію, тѣмъ болѣе, — по исключительной дѣятельности — жизни художника, и прибавимъ, художника русскаго.

Все еще тяготѣетъ нѣчто роковое надъ судьбами русскаго искусства. Обстоятельство это замѣчено неоднократно и, смотря по обстоятельствамъ, называлось различно: то необразованностью, то несочувствіемъ, то несправедливостью публики къ отечественнымъ дарованіямъ. Причина, прослѣдить которую нетрудно и въ другихъ областяхъ нашей дѣятельности, кроется глубже.

Коренныя преобразованія Петра, имѣвшія цѣлью превратить въ одинъ день «полуварвара» въ европейца и впервые слившія Россію съ Европой, — должны были, со введеніемъ ея цивилизаціи, породить ту бездну недоразумѣній, противорѣчій, смѣшенія понятій, послѣдствія которыхъ бросаются въ глаза, до сихъ поръ, на каждомъ шагѣ. Отказавшись отъ послѣдовательнаго, историческаго развитія, вся наша сила была состоять въ усвоеніи образованія, нѣга въ меньшаго, тогдашняго европейскаго.

А. С. Даргомыжскій. † 5 января 1869 г. (Съ фото. А. Гривега грав. Л. А. Спирковъ).

Шагъ — трудный; и осуществленіе идеала этого оказалось не такъ-то легкимъ: полтора столѣтія мы пугались въ немъ. И такъ, пришлось учиться, затверживать сложные результаты чужаго опыта, отсюда — различныя степени образованія;

нѣхъ своихъ блистательно утвердившіе его навсегда.

Мнѣ нужно было коснуться духа той среды, въ которую вступилъ 20-лѣтній, впечатлительный, талантливый Даргомыжскій, для того, что-

приходилось *помнить* выводы, давшіеся безъ всякой борьбы и жертвъ, отсюда — частыя запятованія, пробѣлы, недоразумѣнія; неумѣлое примѣненіе такихъ выводовъ къ дѣлу и примиреніе ихъ съ иногда неминуемыми требованіями народности и преданія вовлекли въ путаницу окончательную. Если припомнить къ тому поочередно смѣнявшееся вліяніе цивилизацій, то французской, то нѣмецкой, можно легко представить себѣ шаткость, малую основательность и отсутствіе прежняго убѣжденія въ образованіи предковъ и отцовъ нашихъ.

Царствованіе Императора Николая дало возможность нѣкоторымъ членамъ общества заняться образованіемъ своимъ серьезнѣе и выработать обильный матеріалъ для позднѣйшаго поколѣнія, современнаго. Въ области искусства явились Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, за ними Бѣлинскій, а также Брюловъ и Глинка, заложившіе основы своеобразнаго, русскаго искусства и въ произведе-

Похороны А. С. Даргомыжскаго. По рисунку Богданова грав. Л. А. Спирковъ.

бы показать какую почву встрѣтилъ онъ для дѣятельности своей и какъ отнесся къ ней.

Общество, привыкшее, какъ мы видѣли, жить наготово, по французскому образцу, приняло отличнаго пианиста и даровитаго музыканта съ распростертыми объятіями. Самъ онъ, по образованію и дворянскому домашнему воспитанію своему, подходилъ какъ нельзя болѣе подъ условія его. Живя съ 4-лѣтняго возраста большею частью въ Петербургѣ, вращаясь постоянно въ *хорошемъ*, т. е. офрануженномъ обществѣ, Даргомыжскій, несмотря на встрѣчу и дружбу съ Глинкою, и на живой примѣръ — труды послѣдняго надъ «Жизнью за Царя», — носился въ воображеніи своемъ съ образами чужеземными, сначала Лукреціею Борджіею, а потомъ Эсмеральдою — оба по драмамъ и во французскомъ подлинникѣ В. Гюго.

Выборъ именно этихъ сюжетовъ для оперы многозначителенъ. Я вижу изъ него вліяніе воспитанія и среды, въ которой росъ и развивался Даргомыжскій, а также насколько онъ увлекался общимъ духомъ своего времени. Изъ обработки — напервыхъ порахъ, текстовъ французскихъ, мнѣ объясняется многое, что такъ часто встрѣчается въ Эсмеральдѣ, торжествѣ Вагха, многихъ романсахъ и даже Русалкѣ: миловидность музыкальных мотивовъ, куплетное соединеніе ихъ, квадратность ритмовъ (*carrure des phrases*), частое

употребленіе $\frac{2}{4}$ и $\frac{6}{8}$, странное отношеніе къ тональностямъ и случайное соединеніе ихъ; даже самая комическая, юмористическая сторона таланта Даргомыжскаго, весьма замѣчательная и богатая, носить въ себѣ нѣчто французское, Оберовское.

жизни, легла тяжелымъ бременемъ на всю мою артистическую дѣятельность».

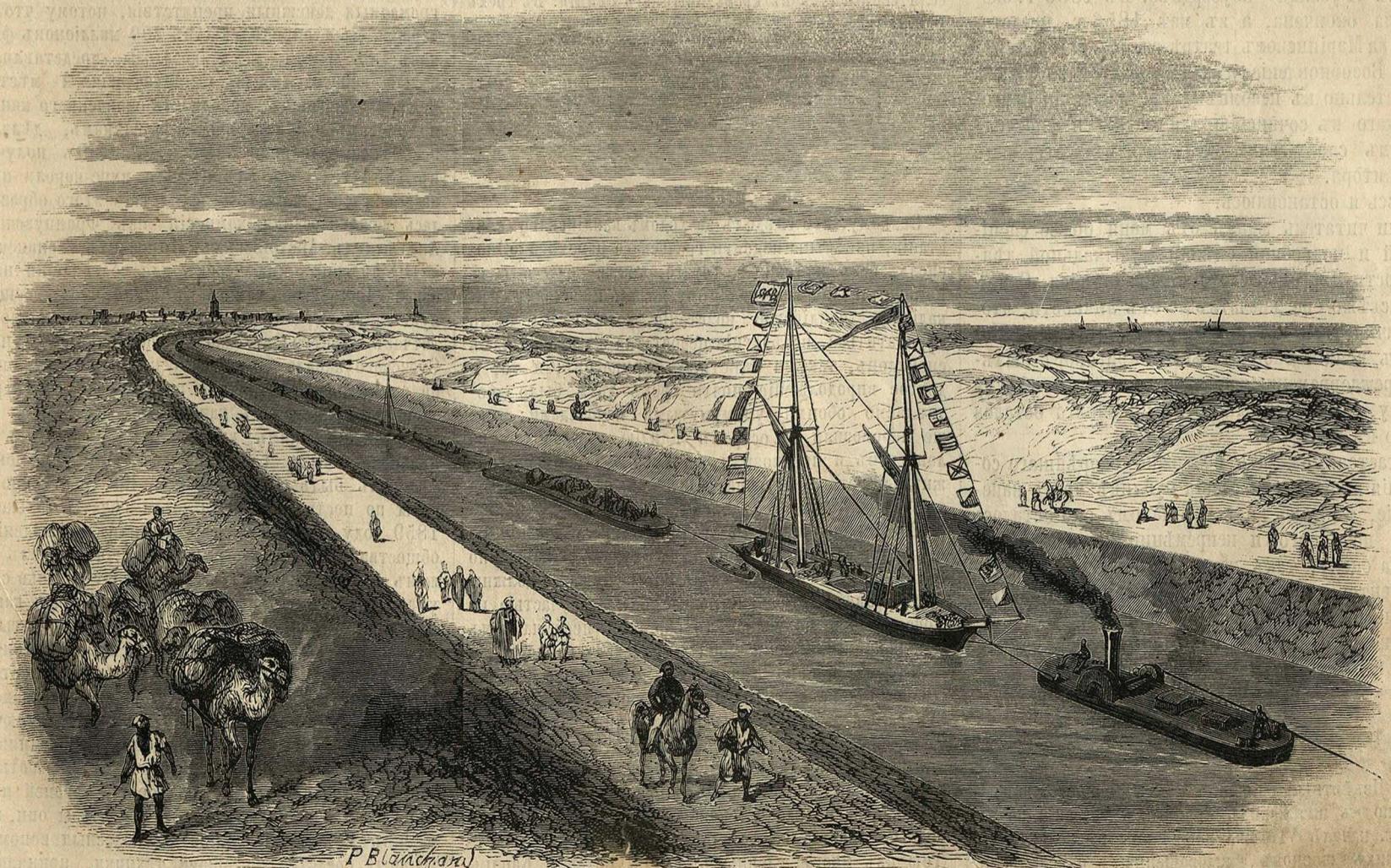
Повѣдка его въ 1844—1845 годахъ за границу, ознакомленіе съ жизнью тамошнюю и естественное сравненіе ея съ нашею, должны были ярче освѣщать послѣднюю и заставить лучше оцѣ-

Въ 1839 году, 26-лѣтній даровитый, увѣренный въ себѣ, Даргомыжскій представляетъ, только что оконченную и переведенную на русскій языкъ, партитуру Эсмеральды въ театральную дирекцію для постановки ея на сцену. Дирекція ему отказываетъ, на какихъ основаніяхъ? — знаетъ одинъ Богъ. Кромѣ извѣстной невозможности «пророчествовать въ своей землѣ», есть у насъ и другія соображенія: «можетъ-ли такой-то быть замѣчательнымъ человѣкомъ, вѣдь я съ нимъ сколько разъ чай пилъ!»

Послѣдствіемъ такого отказа былъ сильный упадокъ духавъ композиторѣ, въ пору самую плодотворную и потому дорогую для всякаго творящаго художника. Въ самомъ дѣлѣ, лишеніе художника публичной дѣятельности, въ настоящемъ случаѣ — сцены, къ которой Даргомыжскій былъ несомнѣнно призванъ и невозможность провѣрить собственныя силы охладить хоть чью энергію! «Этиво семлѣтъ, съ 1839 г., со времени сочиненія оперы и до первой постановки ея на сценѣ въ 1847 году, пишетъ онъ въ своей автобіографической запискѣ, «напраснаго ожиданія и въ самые кипучіе года

Сурмели, командиръ парохода „Эносисъ“.

Суэскій каналъ.

нить тѣ своеобразные, могучіе элементы русской жизни, которыхъ за-границею не встрѣтишь. Конечно благотворное направленіе литературы 30 и 40-хъ годовъ съ Пушкинымъ во главѣ, должно было также отразиться на нашемъ художникѣ, равно какъ и вліяніе Глинки. Но обращеніе его къ творчеству въ духѣ болѣе народномъ совершается не вдругъ. Постановка его Эсмеральды въ 1847 году въ Москвѣ поощрила его представить въ дирекцію новую партитуру (въ 1848 г.) «Торжество вакха» — на текстъ Пушкина. Но дирекція нашла снова возможность отказать въ постановкѣ ея на сцену.

Мы видимъ художника, глубоко оскорбленнаго, въ кругу знакомыхъ ему дилетантовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, ищущаго оцѣнки своему дарованію и нуждающагося въ чьемъ-бы то ни было сочувствіи и поощреніи. Возникаютъ десятки романсовъ, дуэты, тріо, квартеты для гостиннаго пѣнія; дарованіе расходуетъ на мелкія, болѣе поверхностныя вдохновенія. Но и это время прошло не бесплодно: сближеніе съ пѣвцами и пѣвицами, самыхъ разнообразныхъ способностей, дали возможность Даргомыжскому изучить искусство пѣнія со всѣхъ сторонъ. Частая же обработка множества стихотвореній направили вниманіе художника на правдивое изложеніе словъ и невозможное близкое отѣненіе намѣреній поэта — въ музыкѣ. Если такія стремленія въ исторіи музыки и не новы, а уже прославили многихъ, хотя бы Шумана и Р. Франца — въ нѣмецкой пѣсни, то все-таки способность Даргомыжскаго прислушиваться къ изгибамъ русской рѣчи, улавливать ихъ и такимъ образомъ получать совершенно новые — свойственные только русской рѣчи и декламации — музыкальные мотивы, дѣлаетъ заслуги его на этомъ поприщѣ громадными: Даргомыжскій въ этомъ отношеніи дѣлается достойнымъ сподвижникомъ Глинки и продолжателемъ его.

Къ этому же времени относится составленіе плана и сочиненіе нѣсколькихъ номеровъ «Русалки» (Пушкина). Исполненіе ихъ въ 1853 г. въ благотворительномъ концертѣ, устроенномъ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. Н. Карамзинимъ, и не ожидаемый успѣхъ ихъ въ публикѣ, заставили Даргомыжскаго заняться сочиненіемъ «Русалки» поусерднѣе. Въ 1855 г. опера была окончена, а въ маѣ 1856 г. представлена на Марининскомъ театрѣ съ большимъ успѣхомъ. Возобновленіе ея въ 1866 г. убѣдило всѣхъ окончательно въ несомнѣнномъ призваніи Даргомыжскаго къ сочиненію для сцены и упрочило за нимъ славу замѣчательнаго отечественнаго композитора.

Здѣсь я остановлюсь.

Если читатель ждалъ отъ меня болѣе спеціальной и подробной оцѣнки музыкальной дѣятельности Даргомыжскаго, то онъ ошибся. Слишкомъ свѣжо еще впечатлѣніе отъ личности, чтобы начинаться исторіи и суду надъ нимъ. Наконецъ всякій окончательный приговоръ былъ бы преждевременнымъ, такъ какъ, по общему отзыву, самый зрѣлый трудъ покойнаго остался у него въ портфель.

Остается пожелать возможно скорѣйшаго сообщенія этого произведенія публикѣ чрезъ напечатаніе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно осталось послѣ покойнаго и непремѣнно до постановки его на сцену, такъ какъ иллюстрація его, инструментовка будетъ принадлежать уже другому — по завѣщанію Даргомыжскаго, г. Римскому-Корсакову.

Н. Г.

Разныя извѣстія.

— Извѣстный енологъ Карлъ Неуманъ, нашелъ недавно въ китайскихъ хроникахъ указанія на то, что въ началѣ VI вѣка нашей эры нѣсколько дудистскихъ жрецовъ, выброшенныхъ бурей на берегъ страны, бывшей впоследствии русскимъ сѣверо-американскимъ владѣніемъ, прошли по берегу Тихаго океана вплоть до Мексики.

— Докторъ Шортъ въ Мадрасѣ и райя Траванкорскій предлагаютъ: первый 1.200 франковъ, а второй 2.400 франковъ тому, кто найдетъ противудіе яду очковой змѣи, называемой также «нажа», «cobre de capello». Докторъ Шортъ предлагаетъ въ распоряженіе тѣхъ лицъ, которые желаютъ заняться этими изслѣдованіями, известное количество яду или даже цѣлыя головы очковой змѣи, высушенныя или сохраненныя въ спиртѣ.

— Холера появилась во французскихъ владѣніяхъ въ Сенегалѣ, куда занесена изъ Мороко. Сначала опасались, чтобы она не перебралась во Францію. Г. Жоржъ Пуше пишетъ по этому случаю слѣдующее: «Ходъ повѣтрій подлѣжитъ постояннымъ законамъ. Мы знаемъ, что одно и то же повѣтріе никогда не раздражается дважды съ одинаковымъ напряженіемъ въ одномъ и томъ же населенномъ центрѣ. Положительно дознано, что свирѣпствующая нынѣ въ Сенегалѣ холера та же самая, что была у насъ четыре года назадъ. Она того же происхожденія и занесена тѣми же пеллигримами. Известно, что пеллигримы, переходя въ Африку въ 3—4 года; останавливаясь въ дождливое время года, они или медленно ѣдутъ на верблюдахъ, или идутъ пѣшкомъ. Въ Африкѣ холера явилась съ другими свойствами, чѣмъ была въ Европѣ. Отъ нея страдали преимущественно негры; колоніи бѣлыхъ, сравнительно потерпѣли отъ нея немного. Если Европѣ и угрожается въ настоящее время Сенегальская холера, то она будетъ весьма незначительна.»

— Въ Пруссіи недавно производились опыты надъ изобрѣтенными г. Нейтеферомъ ружьями, гдѣ вмѣсто пороха употребляется гремучая жидкость; жидкость помещается въ патронахъ изъ непромокаемой бумаги. Опыты вполне удались. Тринадцать выстрѣловъ, произведенныя въ 36 секундъ, всѣ попали въ цѣль.

— Одному изъ изобрѣтателей свѣтописи Н. Ньепсу предполагается воздвигнуть памятникъ въ Шалонѣ на Саонѣ.

— Извѣстно восклицаніе Архимеда: «дайте мнѣ точку опоры, и я сдвину съ мѣста землю. Архимедъ хотѣлъ сдѣлать это при помощи своего винта, но винтъ можетъ быть замѣненъ и другой простой машиной, напр. рычагомъ. Одинъ ученый задалъ себѣ вопросъ во сколько бы времени очень сильный человѣкъ, работая день и ночь безъ отдыха могъ бы поднять рычагомъ такую тяжесть на одинъ метръ, то есть меньше чѣмъ на полъ линіи? Въ отвѣтъ получила громадная цифра двухъ миліонъ миліонъ вѣсковъ.

— Принцъ Наполеонъ пожертвовалъ на французскую полярную экспедицію 10,000 франковъ. Корабль предназначенный для нея, купленъ 11 января. Онъ будетъ называться *Борсаль*. На эту экспедицію открыта общественная подписка.

— Профессоръ Гольфордъ въ Мельбурнѣ сдѣлалъ открытіе, укусъ ядовитыхъ змѣй дѣлается безвреднымъ, если врызнуть въ кровь аміачнаго спирта. Въ трехъ случаяхъ — два въ Мельбурнѣ, и по одному въ Нью-Йоркѣ и въ Нью-Йоркѣ — средство это оказалось вполне дѣйствительнымъ.

— Въ 1868 году въ Берлинѣ убито для пды 4,044 лошади; лошадиная кровь съ нѣкотораго времени употребляется въ красильномъ дѣлѣ.

Сурмели.

Всякому, кто слѣдилъ за ходомъ кандійскаго возстанія, извѣстны подвиги греческаго парохода «Эносиса», безъ помощи котораго, также какъ и безъ помощи погибшаго годъ тому назадъ парохода «Аркадіонъ» кандійское возстаніе, должно бы было прекратиться, вслѣдствіе недостатка какъ военныхъ снарядовъ, такъ и сѣстныхъ припасовъ; и то, и другое впродолженіе почти трехъ лѣтъ было доставляемо обоими упомянутыми пароходами; они же перевозили на островъ Кандію греческихъ волонтеровъ и перевозили въ Грецію безпомощныхъ жителей этого острова, бѣжавшихъ отъ звѣрства и насилія турецкихъ войскъ.

Вслѣдствіе почти постояннаго преслѣдованія со стороны турецкихъ военныхъ судовъ, неуспынно слѣдившихъ за пароходомъ «Эносисъ», онъ долженъ былъ совершать свои рейсы большею частью по ночамъ, что возможно только при необыкновенномъ хладнокровіи, знаніи моря и морскаго искусства.

Такимъ именно качествомъ и знаніемъ одаренъ храбрый командиръ парохода «Эносисъ», Сурмели. Въ самыя темныя, туманныя ночи, когда на самогъ пароходѣ невозможно различить почти ни одного предмета на разстояніи двухъ шаговъ, Сурмели, только при помощи знанія моря, добытаго опытомъ, направлялъ свой пароходъ въ критскую бухту, никогда не смѣшивая съ какою-нибудь другою изъ многочисленныхъ бухтъ острова Кандіи.

Въ двухъ шагахъ отъ непріятеля, подъ прикрытіемъ нависшей скалы, въ виду ежеминутной опасности быть открытымъ турецкимъ фрегатомъ,

крейсировавшимъ почти постоянно около острова, Сурмели простоялъ съ пароходомъ нѣсколько часовъ, въ продолженіи которыхъ съ парохода выгружались на берегъ привезенные имъ припасы; тысячи мѣшковъ муки или сухарей, нѣсколько сотъ ящиковъ зарядовъ, нѣсколько сотъ волонтеровъ, каждый разъ оставались на берегу и въ замѣнъ ихъ Сурмели принималъ на свой пароходъ женщинъ, стариковъ и дѣтей и также благополучно возвращался къ берегамъ Греціи.

Никогда Сурмели не потерялъ ни одного мѣшка изъ своего груза; несмотря на самую строгую бдительность со стороны турокъ, онъ ни разу не выгрузилъ ввѣренной ему клади въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ на островѣ Кандіи, кромѣ назначеннаго ему впередъ. И онъ совершилъ шестьдесятъ такихъ рейсовъ.

Сурмели семейный человѣкъ и совершенно преданъ своему домашнему очагу; послѣ каждой своей опасной поѣздки, по возвращеніи въ Сирю, онъ спѣшилъ къ своему семейству, чтобы обнять жену и маленькаго сына. Проведя дома не болѣе двухъ дней онъ снова пускался въ море съ спокойствіемъ человѣка, привыкшаго исполнять свои обыденныя обязанности.

Героизму и самопожертвованію этого человѣка обязана спасеніемъ отъ голодной смерти ни одна тысяча кандійцевъ, перевезенныхъ имъ въ Грецію гдѣ они, полумертвые отъ голода и изнуренія, снова оживали, окруженные заботами и попеченіями своихъ соотечественниковъ грековъ.

И надъ этимъ человѣкомъ, жертвовавшимъ собою для спасенія другихъ, Турція требовала суда, какъ надъ пиратомъ!

Суэзскій каналъ.

Проведеніе судоходнаго морскаго канала черезъ Суэзскій перешеекъ, для соединенія средиземнаго моря посредствомъ Чермнаго съ Аравійскимъ заливомъ, представляетъ одно изъ громаднѣйшихъ предприятий новѣйшаго времени; это одна изъ тѣхъ работъ, которыя могутъ быть предприняты только напередъ чѣмъ не останавливающимся, промышленнымъ духомъ нашего столѣтія, при содѣйствіи всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Мысль о прорытіи этого канала сама по себѣ не нова; но починъ въ исполненіи этой исполинской идеи, — мнѣніе о которой были такъ различны въ первое время ея обнародованія, — положили энергія и неутомимость барона Лессепса. Съ одной стороны встрѣтились громадныя денежныя препятствія, потому что издержки были опредѣлены въ 200 милліоновъ франковъ; съ другой — какъ казалось, представлялись самыя непреодолимыя климатическія и мѣстныя помѣхи и наконецъ, доходность оконченнаго канала, по многимъ основательнымъ причинамъ, дѣлалась весьма сомнительною. Однако Лессепсъ получилъ въ 1854 году отъ Египетскаго вице-короля право на проведеніе канала, и вслѣдствіе этого образовалась международная коммиссія изъ Французскихъ, Англійскихъ, Австрійскихъ, Прусскихъ, Испанскихъ и Голландскихъ инженеровъ для составленія плана канала. Какъ скоро коммиссія рѣшила, что не существуетъ никакой разницы между уровнями обоихъ морей, тотчасъ приступлено было къ составленію компаніи Суэзскаго канала и къ выпуску акцій. Подписка на акціи пошла отлично, потому что какъ разъ совпала со временемъ наибольшей страсти къ биржевымъ операціямъ въ Парижѣ и капиталъ для предполагаемыхъ расходовъ въ 200 милліоновъ франковъ былъ скоро собранъ. Но собственно работы по постройкѣ канала были начаты только въ 1859 году, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ общества и были такъ рассчитаны, что каналъ долженъ былъ окончиться къ 1869 году. Однако скоро убѣдились, что въ этомъ ошиблись, и что каналъ при примѣненіи одной только ручной работы не будетъ оконченъ даже въ 30 лѣтъ, хотя египетское правительство и взялось поставлять постоянно на работу 20.000 крѣпостныхъ или феллаховъ. Поэтому были принуждены, въ 1865 году, заключить контракты съ нѣкоторыми фирмами, — исполнявшими уже согласно съ договоромъ, другія работы по части постройки желѣзныхъ дорогъ, гаваней и каналовъ въ большихъ размѣрахъ, — чтобы они, примѣнивъ всѣ сколько нибудь полезныя вспомогательныя средства новѣйшей техники, приняли на себя постройку канала. Эти фирмы были: Боррель и Лавалей, Братія Дюссо и Ф. Кувре.

Суэзскій каналъ начинается отъ Средиземнаго

моря въ Дебейской бухтѣ, у нарочно основаннаго и снабженнаго прекрасными платинами и другими гидравлическими сооружениями порта Саида, которому, въ недалекомъ будущемъ, предстоитъ сдѣлаться мировымъ городомъ; далѣе онъ проходить по узкой косѣ и потомъ между огромными платинами черезъ озеро Менсале, частью занесеннаго иломъ, частью же сухаго, къ Эль-Кантара (по арабски «мостъ»); онъ пересѣкаетъ, покрытую островами, южную часть этого озера и волнообразную сухую долину до озера Тимза, гдѣ компанія основала городъ Измаилію, въ которомъ находятся, похожія на дворцы, зданія правленія, складочные магазины и дома многочисленнаго штаба управленія (на что, замѣтимъ мимоходомъ, безъ всякой нужды было выдано почти 25 милліоновъ франковъ) и идетъ изъ озера Тимза, черезъ долину Езенискую, мимо древняго Серапеума и черезъ песчаныя дюны къ высохшимъ теперь морскимъ озерамъ, а отъ южнаго конца ихъ, черезъ волнообразныя цѣпи холмовъ и скалистую страну Шадуфъ, спускается къ Суэзской бухтѣ, большою частью несудоходной отъ каралловыхъ залежей и мелей.

Часть всего канала между портомъ Саидъ и Измаиліей уже окончена и представляетъ морской каналъ, имѣющій въ ширину на поверхности воды 100 метровъ, а при основаніи 22 метра и временно наполняется водою настолько, что могутъ ходить корабли, сидящіе въ водѣ не глубже трехъ футовъ (при совершенномъ окончаніи канала средняя глубина воды должна быть 8 метровъ). Къ югу, отъ озера Тимза работы находятся въ полномъ ходу и производятся средствами поистинѣ колоссальными. Чтобы дать понятіе объ обширности еще остающихся работъ, мы должны прежде всего замѣтить, что полная длина канала, отъ порта Саида до Суэза, составляетъ 160 километровъ, что оконченный теперь морской каналъ отъ порта Саида до Измаиліи имѣетъ въ длину 75 километровъ (около 67 верстъ) и по немъ уже ходятъ небольшіе пароходы, которые, поддерживая ежедневное почтовое сообщеніе, проходятъ это пространство въ 8 часовъ; они весьма удобно устроены, причемъ пассажирское отдѣленіе раздѣлено на первый и второй классы, такъ что не остается желать ничего лучшаго. Наконецъ между озеромъ Тимза и Суэзомъ, сношенія покуда производятся по небольшому прѣсноводному каналу и по желѣзной дорогѣ.

Какъ во всѣхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ, при постройкѣ Суэзскаго канала деньги расточались щедрою рукой. Не говоря уже о томъ, что всѣ сооруженія возводились съ совершенно излишней роскошью, все управленіе, состоящее болѣе нежели изъ 200 распорядителей (не принимая въ расчетъ безчисленнаго числа младшихъ чиновниковъ) стоитъ баснословныя суммы. Такъ напр. директоръ, г. Вуазень получаетъ содержаніе въ 50,000 франковъ, нѣсколько помощниковъ директора—въ 30, 25, 20 и 15 тысячъ франковъ и самыя младшіе прикащики и землемѣры—по крайней мѣрѣ отъ 5—8 тысячъ франковъ. Не мудрено, что при такихъ порядкахъ, 200 милліоновъ франковъ первоначальнаго выпуска, и безъ того уменьшенные биржевымъ учетомъ, были очень скоро истрачены, а равно и 84 милліона франковъ, которые долженъ былъ заплатить обществу египетскій вице-король, за неустойку въ поставкѣ 20,000 рабочихъ. Къ концу 1867 года капиталъ былъ на столько истраченъ, что для окончанія одного лишь канала, безъ гаваней и остальныхъ сооружений въ Суэзѣ, потребовалось по крайней мѣрѣ еще 100 милліоновъ франковъ. Поэтому г. Лессепсъ въ началѣ 1868 года отправился въ Парижъ, чтобы сдѣлать новый заемъ, который впрочемъ несостоялся; вслѣдствіе этого онъ, съ разрѣшенія правительства, устроилъ лоттерей, которая, по предположенію, покроетъ издержки необходимыя по постройкѣ канала; эта лоттерей доставила уже къ июню мѣсяцу 1868 года около 40 милліоновъ. Также и окончательная часть канала дала доходу въ 1867 году около полтора милліоновъ франковъ.

Нашъ рисунокъ изображаетъ вереницу кораблей, остающихся Измаилію, чтобы провести по прѣсноводному каналу въ Черное море морской корабль, украшенный множествомъ флаговъ — шкуну «Сюжеттъ», изъ Марсея, поднимающую грузъ въ 100 тоннъ, а также и для отправленія нужныхъ при постройкѣ канала плоскодонныхъ судовъ и барокъ. Пароходы, служащіе для буксированія этихъ кораблей и барокъ сидятъ въ водѣ на три фута и дѣ-

лаютъ въ часъ отъ 5 до 6 верстъ. Широкая полоса воды, видная на заднемъ планѣ съ правой стороны нашего рисунка, представляетъ совершенно наполненное нынѣ искусственнымъ образомъ водою озера Тимза или Крокодиловъ, на западномъ берегу котораго лежитъ Измаилія.

По заключеннымъ съ выше-поименованными тремя фирмами контрактамъ, всѣ работы по постройкѣ канала должны быть готовы къ 1-му октября 1869 года. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ это и удастся исполнить фирмѣ Боррель и Лавалей, хотя ей въ июнѣ 1868 года оставалось еще вырыть около 36 милліоновъ кубическихъ метровъ. Эта фирма нанимаетъ нынѣ среднимъ числомъ 12.000 поденщиковъ, частью туземцевъ, частью же европейцевъ, которые дружно копаютъ и получаютъ, смотря по плотности выкапываемаго грунта, отъ 1 франка и 95 сантимовъ до 2 франковъ и 45 сантимовъ. Кромѣ того работаютъ, 10 механическихъ дробильныхъ машинъ, 4 ручныхъ землечерпальныхъ машинъ, 19 малыхъ и 58 большихъ землечерпальныхъ машинъ, 30 пароходовъ, съ боковыми клапанами и 79 пароходовъ съ клапанами на днѣ, служащіе всѣ для отвозки щебней; 18 подъемныхъ машинъ, 90 плоскодонныхъ судовъ съ ящиками для щебня, 30 паровыхъ тарановъ, 15 плоскодонныхъ паровыхъ судовъ, 60 локомотивовъ, 16 локомотивовъ, 20 паровыхъ землесверлильныхъ машинъ для сухаго и мокраго грунта, 1800 повозокъ, 25 буксирныхъ пароходовъ, 200 желѣзныхъ плоскодонныхъ судовъ и барокъ. Кромѣ всего этого имѣется громадное количество кирокъ, лопатъ, тачекъ, коробовъ и т. п. Изъ этого можно составить себѣ приблизительное понятіе объ обширности работъ, исполняемыхъ одной этой фирмой.

Не менѣе интересна дѣятельность фирмы братьевъ Дюссо въ портѣ Саидѣ, по постройкѣ гидравлическихъ и плузныхъ сооружений, а также и работы фирмы Кувре въ Эл-Гуизрѣ. Любопытно посмотреть на приготовленіе тѣхъ громадныхъ кусковъ камня, которые нужны для постройки обѣихъ плотинъ гавани въ портѣ Саидѣ и для фундаментовъ большихъ гидравлическихъ сооружений. Такъ какъ здѣсь конечно нигдѣ нѣтъ такихъ каменоломенъ, въ которыхъ возможно было бы выламывать такія огромныя плиты, то нужно было приготовить ихъ искусственно, что и исполняется братьями Дюссо. Каждый кусокъ камня, нужный для стѣны въ гавани вѣситъ 400 центнеровъ и занимаетъ объемъ въ 10 кубическихъ метровъ. Песокъ, вырытый изъ гавани, смѣшивается съ опредѣленнымъ количествомъ прѣсной воды, пускается на паровую глиномялку, и плотно соединяется на ней съ опредѣленнымъ количествомъ извести и цемента, потомъ пропускается черезъ деревянные формы и просушивается на воздухѣ два мѣсяца, что совершенно достаточно для приданія смѣси твердости плотнаго плитняка, которая, конечно, подъ водою еще увеличивается.

Прѣсноводный каналъ между Измаиліей и Суэзомъ представляетъ постройку только временную; онъ проходитъ, описывая большую дугу, по западной сторонѣ мимо соленыхъ озеръ, уровень которыхъ лежитъ значительно ниже уровня прѣсноводнаго канала, и потому будетъ оставленъ какъ скоро морской каналъ окончится и сдѣлается судоходнымъ. Но если и удастся выкопать этотъ послѣдній къ концу 1869 года, то онъ къ этому времени все же еще не будетъ судоходенъ. Потребуются еще мѣсяцы, пока онъ достаточно наполнится водою. При незначительномъ паденіи русла канала и довольно однообразной выемкѣ, морская вода втекаетъ съ чрезвычайной медленностью, и одно наполненіе морскихъ озеръ потребуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Уже и теперь, по берегамъ канала, кромѣ рабочихъ поселилось довольно много народу; прежде же эта часть Египта была весьма скудно населена. Въ портѣ Саидѣ 10,000 жителей, въ Измаиліи 8,000, Эль-Аисѣ около 1,000, Эль-Кантарѣ 2,000. Число жителей возрастаетъ повсюду. Всѣ эти мѣста напоминаютъ тѣ города, которые возникли близъ золотыхъ росышей Сѣверной Америки, Австраліи и Новой Зеландіи; они изобилуютъ гостиницами, кофейными, ресторанами и игорными домами, искутелями приключеній обоаго пола всѣхъ странъ. Вообще жители отличаются страстью къ наслажденіямъ.

Главный вопросъ теперь состоитъ въ томъ: будетъ ли это громадное предпріятіе прибыльно и будетъ ли оно окупаться? Касательно этого, мнѣнія

чрезвычайно различны. Весьма сомнительно, чтобы корабли предпочли платить высокую пошлину за проѣздъ черезъ каналъ и издержки за буксированіе, тогда какъ могутъ слѣдовать по свободному пути мимо мыса Доброй Надежды. Для обыкновенныхъ купеческихъ кораблей гораздо важнѣе дешевизна проѣзда, нежели скорость доставки. Что же касается до индѣйской почты, то она и теперь доставляется изъ Александріи въ Суэзъ гораздо скорѣе, чѣмъ это возможно по каналу. Перегрузка въ обѣихъ гаваняхъ совершенно не принимается въ расчетъ, и каждый разъ экстренный поѣздъ перевозитъ путешественниковъ и почту черезъ перешеекъ гораздо скорѣе, чѣмъ индѣйскіе почтовые пароходы будутъ возить по каналу. Но когда, — что непременно осуществится въ скоромъ времени, — рядомъ съ каналомъ пройдетъ желѣзная дорога на всемъ протяженіи между портомъ Саидомъ и Суэзомъ и время переѣзда сократится еще вдвое, потому что объѣздъ черезъ Каиръ сдѣлается излишнимъ, то всѣ сношенія Европы съ Индіей будутъ происходить по этому пути. Тогда города Портъ Саидъ и Суэзъ приобретутъ необыкновенное значеніе, но доходности канала открытіемъ желѣзной дороги нанесется значительный ущербъ. Поэтому, доходность канала является сомнительною и есть даже предположеніе, что всѣ морскія державы соединятся для того, чтобы купить у акціонеровъ каналъ по его окончаніи, причемъ каждое государство должно, — смотря по величинѣ своего военнаго и купеческаго флота, принять на себя соотвѣтствующую часть капитала, нужнаго для покупки, и выплачивать свою долю на покрытіе издержекъ по содержанію канала. Затѣмъ, этотъ водный путь будетъ открытъ для свободнаго и безпошлиннаго пользованія.

Мексиканскіе истуканы.

Остатки древняго мексиканскаго, или среднеамериканскаго, искусства начали въ послѣднее время обращать на себя болѣе серьезное вниманіе изслѣдователей древности. Многочисленные памятники, уцѣлѣвшіе до нашего времени, представляютъ одно изъ нагляднѣйшихъ и поучительнѣйшихъ доказательствъ однообразнаго развитія человѣчества на пути просвѣщенія, на самыхъ отдаленнѣйшихъ, одинъ отъ другаго краяхъ свѣта. Они сильно возбуждаютъ любопытство изслѣдователей первобытнаго состоянія человѣчества и побуждаютъ къ новымъ изысканіямъ о древнихъ сношеніяхъ нашего древняго міра, съ такъ называемымъ новымъ свѣтомъ. Зодчество, ваяніе, рѣзьба, керамика, иероглифическія письма находятся въ близкомъ родствѣ съ религіозными памятниками Египта, а также и Индіи, но гораздо въ меньшей мѣрѣ. Памятники мексиканскаго зодчества столь многочисленны и такъ правильно и искусно орнаментированы, что въ нихъ весьма явственно замѣтны различныя эпохи и стили; ихъ насчитываютъ до пяти, до покоренія Мексики Испанцами. Опредѣленіе этихъ періодовъ, въ отношеніи времячисленія и народностей, само собой разумѣется довольно гадательно, но въ отношеніи техники и стила періоды обозначены весьма вѣрно. Въ самомъ Мексико памятники были уничтожены въ самомъ началѣ испанскаго владычества. Лишь въ 1787 году открытъ былъ цѣлый городъ развалинъ близъ Паленки, окружность же этой древней столицы обнимаетъ 25 верстъ. Позже открыто было нѣсколько мѣстностей съ храмами и дворцами.

Аzteки, владѣвшіе этими странами втеченіи послѣднихъ трехъ столѣтій до покоренія испанцами, сохранивъ общіе черты пирамидальнаго зодчества своихъ предшественниковъ вдали въ вычурную и фантастическую орнаментацию, тогда какъ древнѣйшіе памятники отличаются строгой и величественной простотой.

Въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ этого древняго міра замѣтно кромѣ разности въ стиляхъ, весьма характеристическое различіе въ отношеніи искусства между предметами гражданскими и религіозными. Первые отличаются тщательнымъ, вѣрнымъ и разумнымъ изученіемъ природы, вторые замѣчательно грубостію искусства и чудовищностію творческаго воображенія. Единственное объясненіе этого проявленія заключается въ строго установленныхъ формахъ религіознаго искусства; это тотъ же архаизмъ, постоянно сдерживавшій искусство въ Египтѣ и проявлявшійся въ нѣкоторыхъ весьма немногихъ мѣстностяхъ древней Греціи, на этотъ разъ предоставленный мексиканскому искусству.

мѣсто во «Всемирной Иллюстраціи» позволяет лишь представить нѣсколько образцовъ религиозныхъ памятниковъ, изъ числа собранныхъ въ музеумъ въ Мексико. Главный идолъ изображенъ съ передней стороны и съ боку. Общая фигура геометрическая, что характеризуетъ всѣ религиозныя памятники; голова змѣиная, вмѣсто рукъ змѣиныя же головы, на груди человѣческой черепъ, отрубленныя руки и человѣческаго сердца, всѣ части одежды составлены изъ змѣй. Это изображеніе олицетворяетъ главное мексиканское божество, солнце, и вмѣстѣ съ тѣмъ бога войны. Другая статуя изображаетъ сидящаго индѣйца съ просверленными между рукъ и ногъ дырками для вложенія дровъ знамени, можетъ быть сосуда или факела. Статуя эта найдена въ самомъ Мексико, въ одной изъ пирамидъ, уничтоженныхъ при Фердинандѣ

Кортесѣ. Она уцѣлѣла, можетъ быть, какъ не принадлежавшая языческимъ обрядамъ. Истуканъ съ мертвой головой олицетворяетъ смерть. Постаментъ вырубленъ на подобіе листьевъ, вьющихся постепенно уменьшающимися кольцами, что придаетъ ему общій видъ сплюснутаго конуса. Рассказываютъ, будто-бы на этихъ постаментахъ укрѣплялись важнѣйшіе изъ плѣнниковъ; ноги ихъ прикрѣплены были веревками къ каменному подножію, высѣченному такъ, чтобы нога не скользя отъ льющейся крови. Плѣннику давалась палка и она долженъ былъ вступать въ состязаніе поочередно съ нѣсколькими вооруженными воинами. Въ случаѣ, если плѣнному удавалось поразить всѣхъ своихъ противниковъ, ему возвращали оружіе и свободу. Въ музеумѣ хранится нѣсколько подобныхъ постаментовъ.
Князь П. П. Вяземскій.

Мексиканскіе истуканы.

ПРОДАЕТСЯ
БОЛЬШАЯ ДАЧА
(VILLA)

Въ Лозаннѣ (Швейцаріи), расположенная въ здоровой и защищенной мѣстности, со всѣми хозяйственными удобствами, съ великолѣпнымъ видомъ на городъ Лозанну, Женевское озеро, Альпы и Юру. Цѣна 20,000 фунтовъ стерлинговъ.

Франкированныя письма просятъ присылать по слѣдующему адресу: В. Q. 441, въ экспедицію объявленій Газенштейна и Фоглера, въ Базель (Haasenstein und Vogler in Basel).

О ПОДПИСКАХЪ НА 1869 Г.
НА САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ МОДНЫЙ ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ,
„МОДНЫЙ СВѢТЪ“
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ.

Съ 1-го Декабря 1868 года, журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» началъ 2-й годъ своего существованія и, не измѣняя ни въ чемъ своей программы, издается съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» въ 1869 году будетъ выходить тоже въ двухъ изданіяхъ,

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, т. е. четыре номера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ въ теченіи года: въ 24 модныхъ номерахъ до 1600 политическихъ рисунковъ моды и рукодѣлій въ текстѣ; 12 большихъ листовъ выкроекъ (въ каждомъ листѣ до 15 выкроекъ); 6 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину и 24 (или 12 для 1 изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинъ, исполненныхъ лучшими художниками въ Парижѣ, а въ 24 литературныхъ номерахъ новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

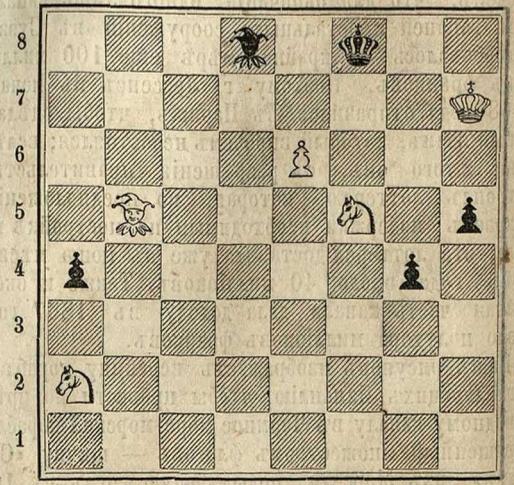
Цѣна 1 изданія съ 12 раскр. карт. безъ доставки 4 р., съ перес. 6 р., — 2 изданія съ 24 раскр. карт. безъ доставки 5 р., съ перес. 7 р. с. — Главная Контора редакціи (Гермаанъ Гоппе) находится въ С.-Петербургѣ, на Бол. Садовой ул., д. Ильина № 16.

ШАХМАТНАЯ ЗАДАЧА № 3.

И. Т. САВЕНКОВА.

(Посвящается Я. П. Полонскому).

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ матъ въ 5 ходовъ.